

Третье заседание: Перспективы развития партийной системы

Чернышов Ю.Г. – Дорогие друзья, мы начинаем работу. Сегодня состоится третье заседание. Его тема: «Перспективы развития партийной системы». Я хотел бы сказать несколько вступительных слов. Во-первых, после завершения вчерашнего заседания мне удалось заглянуть на страницы Интернета и посмотреть результаты работы Светланы Шаповаловой и ее коллег. Это превзошло все ожидания. Там выставлены десятки фотографий с конференции с комментариями, с интервью участников¹⁸. Впечатление о конференции смогут получить не только барнаульцы, не только москвичи, но и жители любых стран, потому что на сайт заходят и из Африки, и из Австралии и т.д., то есть наша конференция приобретает очень широкое международное звучание. Большое спасибо нашим коллегам. Они и сегодня работают, и во время кофе-брейка они покажут на экране то, что они делают. Кроме того, тем, кто интересуется, можно будет подойти непосредственно к компьютеру и посмотреть, что там происходит.

Далее. Тема сегодняшнего заседания посвящена важнейшему институту гражданского общества – партиям. Мы всегда тему гражданского общества считали приоритетной. Была даже отдельная конференция, посвященная этой проблематике¹⁹. Как известно, эта тема очень актуальна для России. Скажем, недавно было озвучено ежегодное Послание Президента. Если его проанализировать, то окажется, что там почему-то вообще не оказалось термина «гражданское общество». Более того, там не оказалось даже словосочетания «политические партии». По поводу этих пробелов была определенная критика, и потом, спустя некоторое время, Президент провел, как известно, круглый стол. И там главной темой стала тема гражданского общества. После этого «сверху» началась работа по созыву Гражданского Форума. Власть у нас, все-таки, видимо, пытается реагировать на критику. Власть сознает, что институты гражданского общества очень слабы, и пытается что-то сделать. Но насколько удачны эти попытки? Насколько удачны попытки искусственно, с помощью бюрократического аппарата, ускорить рост этих институтов гражданского общества?

¹⁸ Подробнее см. раздел «Фоторепортаж с конференции». – *Прим. отв. редактора.*

¹⁹ См.: Дневник АШПИ № 6. Становление гражданского общества в России: проблемы и перспективы. Барнаул, 1998.

Не приведут ли такие попытки, наоборот, к подавлению или бюрократизации этих институтов? Проблем тут очень много, и здесь у нас присутствуют докладчики, которые, может быть, наиболее компетентны в этих вопросах, в том числе люди, которые участвуют в обсуждении законопроектов в Москве. У нас есть прекрасная возможность обсудить эти темы.

Для ведения сегодняшнего заседания мы пригласили профессора Александра Николаевича Мельникова. Он заведующий кафедрой философии Алтайского государственного университета. У него масса достоинств. Во-первых, у него, как философа, есть широта мышления; во-вторых, он очень хорошо умеет вести заседания и, в-третьих, он четко следит за регламентом. Это очень важно для нас, учитывая вчерашний опыт. Пожалуйста, Александр Николаевич, передаю Вам слово.

Мельников А.Н. – Уважаемые коллеги! Начинаем пленарное заседание нашего второго дня. Итак, слово предоставляется Владимиру Александровичу Рыжкову, депутату Государственной Думы, кандидату исторических наук. Владимир Александрович, помните о регламенте!

Рыжков В.А. – Я хотел бы в дополнение к тому, что сказал Юрий Георгиевич, сказать несколько слов о двух наших зарубежных докладчиках. Профессор Леше является крупнейшим в Германии специалистом по политической системе. У него довольно серьезные публикации, в том числе книги на эту тему, и он, помимо всего прочего, находит время, чтобы следить за развитием партийной системы в России. Он будет выступать у нас второй раз. Последний раз он был на Алтае два года назад. И Элисабет Хедборг, журналист из Швеции. Она является одним из ведущих и самых известных журналистов этой страны. Я в шутку сравнил ее в первый день на пресс-конференции с Евгением Киселевым. То есть, по уровню известности в Швеции она сопоставима с нашими самыми видными аналитиками и телеведущими. Помимо этого она год преподавала журналистское мастерство в Стокгольмском университете. Она говорит по-русски, и делать доклад тоже будет по-русски. Элисабет долго жила и работала в России, сделала ряд очень известных фильмов о России. У нас она будет говорить о роли средств массовой информации в современной политической системе как части гражданского общества. Это – просто небольшое дополнение к тому, что сказал Юрий Георгиевич, который представил докладчиков-москвичей.

Рыжков В.А.
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПАРТИЙНАЯ ИДЕЯ

Учитывая то, что у нас сегодня много докладчиков по этой теме, я решил взять узкоспециальный аспект, потому что в целом, как я посмотрел по тематике выступлений, они будут взаимодополнять друг друга, с тем, чтобы получилось объемное представление о предмете. Вы знаете, что президент России только что подписал новый федеральный закон о партиях. Он уже вступил в силу. Теперь это уже реальность, а не проект, не поправки. Готовятся соответствующие изменения в избирательное законодательство. Только что глава Центризбиркома А. Вешняков встретился с президентом, и этот процесс уже запущен. То и дело, как вы знаете, возникают слухи о возможном роспуске и досрочных выборах в Государственную Думу. Значит, настало время подумать о претворении в жизнь этого закона и о его воздействии на политическую систему России. Прежде всего, встает вопрос, оправдаются ли надежды авторов закона и прежде всего президента (если, конечно, эти надежды были искренними) на то, что закон поможет решить три главные задачи: во-первых, укрупнения партий, придания партийной системе более стабильного характера; во-вторых, превращения российских партий в массовые, народные, реально представляющие массовые интересы; и в-третьих, прихода партий в регионы, в муниципалитеты, то есть обретения ими подлинно всеобщего, вездесущего, всероссийского характера. Ответ на этот вопрос, на мой взгляд, зависит от трех основных факторов. Во-первых, от технических параметров самого федерального закона о партиях. Во-вторых, от места и роли партий в политической системе страны, и прежде всего от места и роли парламента, Госдумы. В-третьих, от того, как общество относится к партиям и в целом к партийной идее. Я оставляю в стороне технические параметры закона, мы их достаточно подробно обсуждали, знаем все достоинства и недостатки этого закона. Я оставляю в стороне роль и место партий в политической системе, она нам хорошо известна и мы ее также не раз анализировали. Я сосредоточусь только на социальных обстоятельствах имплементации нового закона, а именно, я поставлю два простых вопроса. Первый вопрос: что думают россияне о партиях вообще и об их нужности в частности? И второй простой вопрос: как это народное мнение отразится на претворении закона в жизнь?

К счастью, в нашем распоряжении имеется достаточное число качественных опросов общественного мнения, в том числе последних лет, которые, как мне кажется, вполне позволяют нам ответить добросовестно и с

научной, и с общественной точки зрения на два этих вопроса. Я воспользуюсь опубликованными и общедоступными цифрами ВЦИОМа, Российского независимого института социальных и национальных проблем и Фонда Карнеги²⁰. Они позволяют нам приблизиться к ответам на поставленные вопросы. Что мы видим? Первый вопрос: что думают вообще россияне о партиях? В перечне важнейших элементов демократии в 1997 г. многопартийность была на самом последнем месте. Важным ее наличие считали тогда только 39,2% опрошенных. Многопартийность тогда уступила свободе слова и СМИ – 85,8%, выборности всех органов власти – 75,6%, свободе поездок за границу – 67,7%, свободе предпринимательства – 62,6% и наличию представительных органов власти – 49,8%. В 2000 г. многопартийность сохранила свое последнее место в глазах общества в перечне важных элементов демократии, но число думающих таким образом еще больше сократилось. В 2000 г. партийную систему считали важной только 26,4% граждан России, то есть меньше трети граждан считают многопартийность важным элементом демократии²¹.

Следующий аспект. Респондентам был предложен очень длинный список того, что необходимо для того, чтобы сказать: «да, это – демократия». Ответ «право выбирать между несколькими партиями» выбрали среди длинного перечня приоритетов 15,5% респондентов. И, соответственно, партии заняли 15-е место в этой длинной иерархии необходимых элементов демократии. На вопрос о том, кто в российском обществе является мотором общественных преобразований, лишь 3,1% ответили, что партии. А первое место занял президент В.В. Путин – 45,4%. Наконец, последние опросы РНИСиМПа, а это уже июнь 2001 г., показали, что 52% граждан России вообще не видят партий, которым они симпатизируют. Причем за последний год наблюдается рост числа тех, кто не видит партий, которым они симпатизируют. В целом, суммарная популярность всех партий падает и сокращается электорат всех без исключения партий²². Таким образом, что думают, именно думают, россияне о партиях? Думают они о них весьма неважно и я бы даже сказал пасмурно. Их место в сознании негативное и периферийное, доверием партии не пользуются, все по-

²⁰ См.: Петухов В. Демократия в восприятии российского общества (Российский независимый институт социальных и национальных проблем). Московский центр Карнеги. М., март 2001. С. 1 – 13; Colton Timothy J., Mc Faul Michael. Are Russians Undemocratic? Carnegie Endowment for Intl Peace. N 20. June 2001. P. 1 – 24.

²¹ Петухов В. Указ. соч. С. 2.

²² Данные были приведены В. Петуховым на научно-практической конференции в Москве в июне 2001 г.

следние годы их авторитет как общественного института неуклонно снижается. Последние полтора года не изменили, а наоборот, только подтвердили эту тенденцию. Такова, в общем, картина того, что думают россияне о партиях вообще.

Поставим вопрос несколько иначе: как граждане оценивают возможности партий по защите общественных интересов? Картина получается следующая. Участие в деятельности политических партий как эффективный способ воздействия на власть в 2000 г. рассматривали только 2,4% граждан России. Участие в партийной деятельности считается менее эффективным способом воздействия на власть, чем участие в выборах – 22%, чем участие в митингах и демонстрациях – 3,5%, чем участие в забастовках – 2,7%, чем обращение в СМИ – 7,4%, обращение в органы госвласти (то есть челобитная, о которой вчера шла речь) — 3,5% и действия по блату, то есть через личные связи и знакомства, – 4,4%. В этой иерархии участие в деятельности партий находится тоже на одном из самых последних мест. Еще интересно, что при этом самих граждан, которые использовали деятельность в партиях или обращение к партиям в 2000 г., насчитывалось 1,2%²³. Таким образом, люди не видят в партиях реального защитника своих интересов, институт, представляющий их интересы. Это подтверждается и числом граждан, являющихся членами тех или иных партий в России. Всего, по достаточно надежным оценкам, число членов всех партий в России в сумме составляет не более 0,5-0,6% от взрослого населения страны. При этом 90% из этих 0,5-0,6% – это члены КПРФ. Можете себе представить, что приходится на все остальные партии, вместе взятые! Это число, кстати, приблизительно в 7-10 раз, то есть на порядок меньше, чем обычное число для западноевропейских стран, при том, что в Западной Европе в последнее десятилетие (это признано всеми, и я думаю, что Петер Леше об этом скажет) наблюдается кризис партийной системы и сокращение числа граждан, которые участвуют в партийной жизни.

Следующий вопрос, который я поставил: как отразятся общественное отрицание важности партий в демократической политической системе, массовое представление о бессмысленности участия в деятельности партий и взаимодействия с ними, а также действительно наблюдающееся неучастие граждан в их жизни на практической имплементации только что вступившего в силу закона о политических партиях? Для меня лично является очевидным, что такое состояние массового сознания (при этом, как мы посмотрели, достаточно устойчивое на протяжении 90-х годов) делает

²³ Пастухов В. Указ. соч. С. 7, 14.

невозможным, по крайней мере пока, достижение второй и третьей из провозглашаемых инициаторами закона целей принятия этого закона. То есть очевидно, что мы не получим, по крайней мере в обозримой перспективе, массовых партий, народных партий, и мы не получим партий, всерьез укорененных на региональном и муниципальном уровнях. Значит, в силу формально-бюрократического характера закона будет решена лишь первая задача, а именно — партий станет меньше, контроль за ними со стороны правительства, под которым я понимаю президентские институты, исполнительную власть и власть в регионах, станет сильнее, а создать что-то новое, с нуля, создать какую-то партию, отражающую общественные интересы, в соответствии с этим законом будет существенно сложнее.

Что-то изменить в этой ситуации могут только два серьезных обстоятельства, если вдруг они станут реальностью. Во-первых, глубокая реформа роли и места партий в политической и конституционной системе, в первую очередь – переход к формированию правительства всех уровней парламентским большинством. Это могло бы придать партиям вес, смысл и стимулировать приход туда как представителей элиты, так и рядовых граждан. Второе обстоятельство — серьезная политическая активизация самого общества, осознание различными его слоями своих интересов и решимость защищать эти интересы политическими методами. Предпосылки для этого есть даже сейчас. Так, по данным Фонда Карнеги за 1999-2000 гг., то, что партии все же необходимы для того, чтобы работала наша политическая система, думают 53% опрошенных. То есть, не верят, не любят, не видят как инструмент защиты, но все-таки считают необходимым этот институт **в принципе**. Только 18% против, при 20% безразличных. 39% считает, что конкуренция между партиями делает нашу систему сильнее, но при этом 30% с этим не согласны²⁴. И главное. По данным РНИСиМПА, лишь 12,3% россиян в 2000 г. поддержали идею запрета политических объединений и газет, выступающих против нынешней власти. 63%, то есть подавляющее большинство, решительно против²⁵.

Таким образом, мы имеем демократию мнений, демократию опросов общественного мнения, но у нас почти полностью отсутствует демократия участия в политических процессах и политических организациях. Для успеха демократии России необходим переход от демократии мнений к подлинной демократии участия. Остается надеяться, что нынешнее наступление на автономные элементы политической системы не собьет нас с пути. Спасибо.

²⁴ Colton Timothy. Op. cit. P. 12.

²⁵ Петухов В. Указ. соч. С. 11.

Вопросы и выступления

Мельников А.Н. – Спасибо, Владимир Александрович. Уважаемые коллеги, я думаю, что мы будем придерживаться того правила обсуждения, которое мы выработали вчера. То есть, предполагается, что докладчику могут быть заданы несколько вопросов, а дискуссию мы оставим на конец заседания, когда все докладчики выступят. Пожалуйста, вопросы к Владимиру Александровичу.

Щеглов С.Г. – Владимир Александрович, продолжая прошлогодний разговор о вертикали власти, закон о партиях, с Вашей точки зрения, играет какую-то роль в укреплении вертикали власти?

Колобова А.И. – Владимир Александрович, скажите пожалуйста, Вы не исследовали причины низкой популярности партий? И не та ли причина, что все-таки низка активность партий в Думе и не проводятся в жизнь необходимые обществу законы?

Пешков В.Л. – Как любит говорить Владимир Александрович, провокационный вопрос. Вы – наш депутат. Я вижу, что Вас волнуют роль партийного строительства и роль партий в гражданском обществе, нашем обществе. Скажите пожалуйста, Владимир Александрович, что Вы сделали и думаете сделать в плане партийного строительства здесь, в Барнауле, на Алтае? Спасибо.

Рыжков В.А. – Прекрасные вопросы, которые позволяют мне за рамками регламента сказать что-то, что я бы, конечно, хотел сказать в докладе, но не мог из-за недостатка времени. Закон о партиях и так называемая «вертикаль власти», Сергей Георгиевич, на мой взгляд, абсолютно связанные вещи. Для меня очевидно, что логика закона о партиях в значительной мере ориентирована на госконтроль и на ограничение автономных общественных институтов. Я могу привести пример, который касается немалого числа присутствующих в этом зале. Вы знаете о том, что в 2000 г. впервые на политическую арену Алтая вышло объединение «Союз промышленников Алтая». Фактически это – региональная общественная организация, политическое общественное объединение, которое впервые вышло на выборы и добилось прекрасного результата, добилось подлинного, полноценного успеха, в результате чего сформировало почти половину состава Краевого совета народных депутатов. Но согласно новому закону о партиях, все без исключения региональные общественные политические объединения теряют право участия в общественно-политической жизни регионов и страны. Я никогда не пойму аргументов о том, что региональные общественные организации являются угрозой целостности России. Я не думаю, что Андрей Филиппович Кнорр или Евгений Карлович Ганеман являются сепаратистами и их участие в выборах от имени

Союза промышленников Алтайского края было ударом по целостности Российской Федерации. Я, напротив, рассматриваю их деятельность как деятельность по укреплению Российского государства, потому что, когда активные, граждански ответственные люди идут в политику, организуются, выдвигают программу и начинают защищать общественные интересы, то это в интересах России, а не против них. Поэтому, Сергей Георгиевич, на мой взгляд, закон абсолютно «вертикальный», потому что он оставляет на политической арене исключительно федеральные политические партии. Более того, в Государственной Думе сейчас есть проект, у которого немало шансов быть принятым, о том, чтобы ввести директивным порядком партийные списки на выборах депутатов в субъектах Федерации. Пока предлагается отдать на эту квоту не менее 15% мест. Авторами этого проекта являются представитель СПС В. Надеждин и представитель аграрной группы И. Игошин. К чему это может привести? К тому, что даже в тех случаях, когда в регионе нет этой партии, то есть она не пользуется никакой поддержкой и никакой популярностью, тем не менее, она сможет принимать участие в выборах и претендовать на места в парламенте по партийным спискам. Это не что иное, как попытка сверху выстроить партийную систему, навязать ее обществу, при том, что, как я постарался показать в своем докладе, существует огромный разрыв между общественными представлениями о партиях и попытками федерального центра и верхушки существующих партий навязать обществу эту систему.

Вопрос Альбины Ивановны о том, в чем причина непопулярности партий, я специально оставил за скобками, потому что здесь, пока не проведено глубокое социологическое исследование. Это вопрос научной оценки, экспертной оценки. Как эксперт я могу сказать, что, с моей точки зрения, есть три основные причины непопулярности партий после 10-ти или 15-ти лет демократических реформ. Первая причина – это советское наследие. Действительно, так же, как профсоюзы пострадали от советского периода, так и сама идея партии в глазах общества была очень непопулярна после долгого господства КПСС. Мне кажется, что этот шлейф не вполне преодолен и до сегодняшнего дня. Вторая причина, как мне кажется, заключается в том, что системно, институционально партии у нас существуют не понятно для чего. Даже если люди приходят на выборы, выбирают ЛДПР, потом выбирают КПрФ, потом выбирают «Единство», ни ЛДПР, ни КПрФ, ни «Единство» правительство России не формируют. Правительство России формируется чисто бюрократически, президентом, на внепартийной основе, и то же самое существует на региональном и на местном уровнях, – у нас губернаторы все сплошь и рядом беспартийные, за редким исключением, мэры городов, если они не члены КПрФ, все бес-

партийные, правительство у нас беспартийное, президент у нас беспартийный, – поэтому в этих условиях партийная жизнь превращается просто в шоу в Государственной Думе, и люди часто даже не могут понять, зачем нужны эти партии, которые грызутся, ругаются и т.д. И третья причина непопулярности – слабость партий, их частая неспособность на что-то повлиять. Это – ощущение бессилия, никчемности, пустоты, скандальности, тем более в 90-е годы очень часто исполнительная власть формировала этот образ Думы, совершенно сознательно формировала этот образ слабых, безответственных, склочных, скандальных, базарных, мелких партий. В итоге три вещи наложились: инерция советская, институциональная слабость и образ слабых, базарных, мелких партиек. Это привело к тому, что, если посмотреть по опросам, доверие к этому институту все 90-е годы снижалось и, к сожалению, продолжает снижаться и сегодня, потому что ни один из этих недостатков так и не преодолен – ни советский опыт не преодолен в полной мере, ни институционально партии не получили более достойного места в политической системе, а постоянные драки в Думе, эпатаж и скандалы поддерживают традицию дискредитации партийной системы в целом. Поэтому, как вчера говорил Петер Шульце, у нас, к сожалению, формируется демократия, где методом выражения общественных интересов становятся не партии и не парламент, как хотелось бы, а лоббистские группировки, финансово-промышленные группы, личные кланы. Это, конечно, очень тяжелая и неправильная модель демократии, и во многом ответственность за это несет самый верх нашего политического класса и ельцинской, и нынешней эпохи. Если вы помните, я с 1996 г. настойчиво пытался проводить мысль о правительстве парламентского большинства. К сожалению, никому это пока не нужно, общество и политический класс не понимают этой идеи как принципиально важной для того, чтобы наша демократия все-таки развивалась по европейскому пути, а не по этому (не хочу его никак называть, я думаю, и так все ясно).

И третий вопрос Владислава Леонидовича Пешкова – что я, как депутат, сделал и пытаюсь сделать для того, чтобы партии заняли более достойное место. Вы знаете, что мы с Владимиром Николаевичем Лысенко, присутствующим здесь, и Вячеславом Владимировичем Игруновым вносили альтернативный закон о партиях, существенно более либеральный, оставляющий на политической арене региональные партии, оставляющий возможность простой регистрации. В нашем варианте не было и минимальной численности партий для регистрации, были резко сокращены возможности для бюрократии контролировать и надзирать за партиями. Он занял второе место из пяти проектов при рейтинговом голосовании, но, увы, не прошел в Государственной Думе. Так что мы, безусловно, пы-

таемся что-то делать для того, чтобы партии заняли более достойное место, но я Вам скажу откровенно, я не вижу в ближайшие годы никакой практической возможности для перелома этой ситуации. Дело в том, что Россия сегодня напоминает голлистскую Францию поздних 50-х и первой половины 60-х гг., когда доминировал президентский институт, доминировал президент де Голль, а партии, национальный парламент были в значительной степени придатком президентской администрации. Только кризис конца 60-х гг. позволил немного изменить баланс, и только в начале 80-х гг., при Миттеране, возникла современная система «сожительства» между президентом и парламентом, принадлежащим к разным партийным лагерям. Сейчас Жак Ширак – лидер голлистской партии, правый, а Леонель Жоспен, премьер-министр, который фактически назначается парламентом, хотя формально указ о его назначении подписывает президент, – лидер социалистической партии. Пока у нас популярность президента высока, пока доверие к этому институту, как показывают опросы, доминирует, а доверие к парламенту, к партиям, наоборот, очень низкое, ничего изменить нельзя, пока не произойдут очень серьезные политические события, которые смогут изменить баланс. В США, кстати говоря, было ровно то же самое до «Уотергейта» – только уотергейтский скандал, только падение популярности президента и импичмент привели к тому, что Конгресс стал контролировать в значительной степени оборонные расходы, разведку, внешнюю политику и резко усилил свою роль во внутренней политике. До этого Конгресс США, который сегодня могущественный, сильный и практически равен по своему значению президенту, играл второстепенную роль. Так что, мы находимся на таком этапе истории, когда мы можем сожалеть, огорчаться, переживать из-за этого, но маловероятно, Владислав Леонидович, чтобы мы все что-то смогли реально в этом смысле изменить. По крайней мере, в ближайшем будущем. Спасибо большое.

Мельников А.Н. – Спасибо, Владимир Александрович. Я думаю, что мы будем иметь возможность обсудить идеи, которые предложил нам докладчик, в конце нашего пленарного заседания. Сейчас слово предоставляется Петеру Леше, профессору Геттингенского университета, Германия.

Лёше П.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В УСЛОВИЯХ
ТРАНСФОРМАЦИИ

Мне доставляет большую радость возможность спустя два года снова побывать в Барнауле, в этом полном жизни, красочном и многоликом городе Южной Сибири. Чувствуется, что горожане любят места, в которых они живут. Прогулка на катере по Оби позволила мне насладиться природными красотами этого края. А ещё я с удивлением обнаружил, что здесь есть своя региональная алтайская кухня, одним из фирменных блюд которой является судак - ценная рыба, которая ловится и в водоёмах Берлина. Даже пробыв в городе, как в моем случае, всего несколько дней, можно почувствовать, что его жители отождествляют себя с Алтайским регионом.

И тут я уже подхожу к моей теме, поскольку партийная система всякого государства имеет определенное отношение и к регионализму. Либо региональные партии разрешаются или поддерживаются на выборах в земельный парламент и парламент страны, конкретно в России - в Государственную Думу. Либо же регионализм утверждается в существующих крупных партиях таким образом, что они организуются на антицентралистской, децентрализованной и даже региональной основе, приобретая федеративную структуру.

В своем докладе я намереваюсь отстаивать следующие три положения.

1. Регионализм есть важный компонент всякой партийной системы. Можно попытаться, как это произошло с новым российским законом о партиях, подавить его. Однако при любом строе, основанном на принципах демократии и свободы, регионализм пробьет себе дорогу.

2. Я присоединяюсь к выводу Петера Шульце о том, что период трансформации в России закончился. В принципе это относится и к партийной системе. Конкретно: тот факт, что в России налицо президентская система правления, в которой, как во всякой (и более всего в американской) президентской системе правления, партии ослаблены, для состояния политических партий имеет более важное значение, чем то, что в России только что закончился десятилетний период перехода от государственного социализма к капитализму. Своей слабостью российские партии больше похожи на восточноевропейские и французские в условиях президентской системы правления, чем на относительно сильные и влиятельные

партии в условиях таких парламентских систем правления, как в Федеративной Республике и Великобритании.

3. В демократических национальных и многонациональных государствах существовали свои особые пути-дороги развития соответствующих партийных систем. Определяющее воздействие на партии и политические системы оказывают особенности политической культуры страны, истории страны, специфика общественного строя и экономического уклада. Таким образом, я выступаю против попыток формулирования глобальной типологизации партий и партийных систем и тем более какой-то повсеместно действующей теории партий. Показательно в этой связи, что в соответствующих исследованиях типы партий определяются по образцу конкретных западноевропейских или только германских партий и партийных систем. То есть, мы имеем дело с западноевропейским центризмом в исследовании партий или даже с чванливой узколобостью западноевропейских политологов. С какой стати южноамериканские, африканские или азиатские партии должны быть интерпретированы по образцу партий западноевропейского типа? В случае с Россией особенно наглядна необходимость рассматривать особенности пути развития страны для понимания партий и партийной системы.

Об определении партий. В вашей стране вы сами могли наблюдать в процессе обсуждения и принятия российского закона о партиях, как с помощью определения понятия "партия" можно попытаться включить в это понятие общественные и политические группировки или же отделить их от него, как это произошло, например, с региональными партиями в России. В германском законе о партиях "партия" юридически определяется как объединение граждан, которое за период в шесть лет принимало участие минимум один раз в выборах в земельный парламент или в бундестаг. Таким образом, чтобы считаться партией, не требуется иметь определенное число её членов. Вернее, кворум устанавливается законами о выборах соответствующих федеральных земель. Так, в большинстве федеральных земель - особенно малых, как Бремен или Саар - достаточно всего лишь нескольких сотен подписей избирателей, чтобы партия получила право участвовать в выборах. Такой низкий порог установлен сознательно, с тем, чтобы региональные и даже местные потребности и интересы могли найти своё оформление и выражение в партиях. Тем самым местные и региональные интересы интегрируются в политическую систему страны и предотвращается возможный сепаратизм. Так, например, баварский сепаратизм был умиротворен благодаря тому, что в Баварии могли возникать и процветать региональные партии во главе с доминирующим сегодня Христианско-социальным союзом, "сестрой" партии Христиан-

ско-демократический союз, действующей на всей остальной территории федерации.

Мое понимание партии подразумевает не только партийную организацию. Точнее говоря, в определение партии надо бы включать и "партии в государственных (муниципальных) учреждениях" («Party in Public Office»), т.е. и партии в парламентах (фракции), а также партии в органах исполнительной власти, президентской администрации или в кабинете министров, в правительствах отдельных штатов (республик) и в коммунальных органах самоуправления (окружные советы, городские или местные советы). Такое широкое понимание партии представляется мне важным по двум причинам. Во-первых, партийная организация и «Party in Public Office» обуславливают друг друга. Во-вторых, выполнение партией своей функции, осуществляемое в определенных политических условиях, может быть достоверно исследовано только в том случае, если соответствующий анализ будет исходить из такого широкого понимания партий. Наконец, следует остановиться также на условиях конституирования и причинах возникновения партий, которые налагают на них свой отпечаток вплоть до настоящего времени. Мы имеем в виду конфликты, расколы, результатом которых явилось возникновение данных партий. Это могут быть противоречия между различными религиозными группами, противоречия между центром и периферией или между различными регионами, противоречия между этническими группами или между трудом и капиталом.

Исторически соответствующие партии возникали из соответствующих парламентских фракций или же непосредственно из общественной среды. Независимо от обстоятельств своего возникновения они на протяжении своей истории и до настоящего времени стараются представлять и защищать существующие в обществе партикулярные интересы. Это относится даже к разного рода кликам с их клиентурой, действующим под именем партии. Показательный пример в этой связи - Христианско-демократическая партия Италии, распавшаяся в 1992 году после скандальных разоблачений продажности её представителей.

Отсюда ясно: нас не должны вводить в заблуждение попытки абстрактной типологизации и абстрактного теоретизирования, навязывающие нам схематизированное представление о развитии партий.

О функциях партий. В политологической литературе партиям традиционно отводятся - в разной форме и с соответствующими различиями в понятиях - следующие функции.

1. Партии вбирают в себя имеющиеся в обществе потребности и интересы и передают их в политическую систему. С другой стороны, партии

возвращают в общество решения, принимаемые в политико-административной системе. Таким образом, партии выступают в роли посредников.

2. Партии воспринимают из общественной среды многообразные и противоречивые интересы и потребности и унифицируют их в своей организации, в своих органах, сводя в единую политическую волю, в политическую позицию партии. Таким образом, расходящиеся интересы и потребности в партиях фокусируются, сводятся воедино.

3. Выполняя посредническую и объединительную функцию, партии легитимируют, обосновывают в глазах общества законность политической системы в целом.

4. Наконец, партии участвуют в подборе и формировании политической элиты, назначая кандидатов на все выборные должности - от сельсовета до ведомства президента страны или премьер-министра.

Именно региональным партиям принадлежит центральная роль в осуществлении этих функций. Они легитимируют центральную государственную власть. Доводя до политической системы партикулярные региональные или даже местные интересы, они тем самым умиротворяют радикальные оппозиционные движения, выступающие против политической системы в целом или против институтов центральной государственной власти. Соответственно региональные партии рекрутируют местную и региональную политическую элиту, которая при известных условиях может перейти в общенациональную государственную элиту.

Решающим признаком всякой демократии является известная мера гибкости и децентрализации, позволяющая учитывать, передавать, а тем самым и удовлетворять местные и региональные интересы. Альтернативой такому пути были бы автократизм и подавление - антипод демократии. Надо учитывать, что партии выполняют эти функции в зависимости от политической культуры и истории страны и специфики политической системы (парламентская или президентская система правления). Если же партии и партийные системы когда-то в соответствующей период истории страны выполняли эту функцию, а при современном положении ослаблены или не способны для её осуществления, то тогда нередко говорят - как сейчас в ФРГ - о кризисе партий и партийной системы.

Действительно ли речь идет о кризисе партий и партийной системы - это не в последнюю очередь зависит от того, существуют ли другие политические институты, способные выполнить указанные функции, в особенности функцию представительства интересов во взаимоотношениях между обществом и политико-административной системой. Здесь опять-таки надо учитывать различие исторических путей развития стран. Так, эту

функцию посредничества могут выполнять так называемые группы по интересам, т.е. группы, объединённые общими интересами. В особенности это относится к таким политическим системам, как президентская, в которой фракционная дисциплина необязательна, а сами партии организованы относительно слабо. Наиболее показательный пример в этой связи - Соединенные Штаты. Но и в России процесс развивается, судя по всему, в этом же направлении. Как особый случай объединений с целью представительства определенных интересов можно назвать также инициативные объединения граждан (гражданские инициативы), организации соседей и прочие негосударственные организации. Первое место здесь опять-таки принадлежит Соединенным Штатам. Далее, посредниками между обществом и государством, между соответствующим избирательным округом и национальным и региональным правительством могут выступать парламентарии в целом как политические институты и конституционные органы, а в особых случаях также отдельные члены парламентов, т.е. депутаты. Депутаты могут стать настоящими омбудсменами в своем избирательном округе, т.е. выполнять функцию парламентского уполномоченного по надзору за законностью. Если я правильно понял и оценил нашего друга и коллегу Владимира Рыжкова, то он как депутат Государственной Думы выполняет именно эту функцию: он прекрасно знает свой избирательный округ, а люди знают его, в Москве он также отстаивает и интересы Барнаула и Алтая.

Разумеется, в качестве института регулирования представительства партикулярных интересов в определенной политической системе могут рассматриваться также все элементы прямой демократии, начиная с прямых выборов мэра жителями какого-либо города или прямого выдвижения своего кандидата в избирательном округе и кончая прямой законодательной инициативой населения и референдумом.

В отношении любой политической системы необходимо в каждом конкретном случае исследовать, какие же, собственно, политические институты выполняют функцию посредничества. Как мы показали, это обязательно должны быть партии. Различия между разными государствами несомненны. Так, в Соединенных Штатах партии играют относительно незначительную роль, большой вес имеют группы по интересам и гражданские инициативы. В отличие от этого, в политической системе Федеративной Республики Германии партии играют центральную роль. Здесь мы имеем дело с "государством партий", о котором иной раз может сложиться впечатление, будто партии обладают монополией на формирование политической воли. Между Соединенными Штатами и Федеративной Республикой Германия располагается Франция с партиями, которые за

период после второй мировой войны неоднократно реформировывались и видоизменялись, однако в Пятой республике приобрели за последние годы большее значение - не в последнюю очередь благодаря слияниям партий. Насколько я могу судить, Россию, подобно Франции, тоже следовало бы поместить между Соединенными Штатами и Федеративной Республикой Германия.

Когда в данной политической реальности партии перестают в полной мере выполнять отведенные им функции, мы сразу же несколько преждевременно говорим о "кризисе партий". Подчеркнем ещё раз: только анализ других институтов посредничества покажет, насколько важно это ослабление посреднических функций партий. Ни в коем случае нельзя поспешно заявлять о "кризисе демократии", если речь идет только об ослаблении традиционно отводимых партиям функций. Мне кажется, что к партиям часто предъявляют завышенные требования, связывают с ними завышенные ожидания, как бы "перегружают" их задачами и наказаниями. Особенно часто это проявляется среди интеллигентов, желающих, чтобы партии были носителями великих программ и проектов. При этом прагматизм, скажем, Тони Блэра рассматривается с высокомерным пренебрежением. Общеизвестно, что в истории Европы партии были когда-то носителями великих программ и даже мировоззрений. Однако сегодня речь больше не идет о великих альтернативах типа «капитализм или социализм». Часто приходится принимать скорее технократические решения по таким конкретным делам, как пенсии, налоги, здравоохранение. Все партии стали сегодня прагматическими. Мировоззренческие и идеологические битвы ушли в прошлое. Это можно считать прогрессом в демократическом развитии, поскольку в обществе установился консенсус относительно основных прав и свобод, а также демократических институтов.

О партиях и партийной системе в Восточной Германии. Ниже я хочу проиллюстрировать свой тезис о необходимости исследования соответствующих путей развития на примере партийной системы Федеративной Республики Германия. Здесь речь фактически идёт о двух партийных системах, а именно о системе в Восточной и системе в Западной Германии.

Хотя на первый взгляд партийная система в обеих частях Германии представляется идентичной, тем не менее различия между старыми, т.е. западными, и новыми, т.е. восточными федеральными землями весьма существенны. Так, и в той, и в другой части германского общества существуют две крупные народные партии: Христианско-демократический союз и Социал-демократическая партия Германии. В остальном же мы имеем дело с региональными партиями: Партия демократического социа-

лизма (ПДС), преемница коммунистической Социалистической Единой партии Германии (СЕПГ), представляет новые федеральные земли, считается региональной партией Востока страны. В Баварии мы имеем дело, как уже упоминалось, с региональной христианско-демократической партией (ХСС), которая является выражением не только баварской идентичности, но и особого пути к высокой степени индустриализации. Обе либеральные партии - Свободная демократическая партия (скорее неолиберальная и с рыночной ориентацией) и Союз 90/Зеленые (скорее с экологической и социально-либеральной ориентацией) - тоже могут рассматриваться как региональные партии, поскольку в последнее время они добились успеха лишь в старых федеральных землях, в которых существуют относительно солидные средние слои. Таким образом, уже при поверхностном рассмотрении выявляются различия между восточно- и западногерманской партийными системами, обусловленные тем, что в них определенную роль играют различные региональные партии. Эти различия становятся ещё заметнее, если учесть также другие показатели.

Так, партии в Восточной Германии имеют заметно меньшую численность, чем в Западной Германии, степень организации у них существенно ниже. К примеру, СДПГ в новых федеральных землях насчитывает 27,5 тыс. членов, а в старых федеральных – 650 тыс. членов. Одна лишь ПДС как бывшая коммунистическая партия располагает относительно большой численностью - свыше 90 тыс. членов. Правда, здесь речь идет о бывших кадрах СЕПГ, которые уже слишком стары: свыше 70% членов - пенсионеры и старше 60 лет. Партиям в Восточной Германии недостает не только членов, им не хватает прежде всего партийных активистов и обладателей депутатских мандатов. Того, кто в Восточной Германии вступит в какую-либо партию, очень скоро попросят выдвинуть свою кандидатуру на коммунальных и региональных выборах.

Незначительной численности партий в Восточной Германии соответствует слабость их организационной структуры. Место организационной структуры занимает, особенно в периоды предвыборной борьбы, попытка компенсировать организационные недостатки купленным профессионализмом рекламных агентств.

У восточногерманских обладателей депутатских мандатов в региональных парламентах, а также в бундестаге, иное представление о депутатском мандате, чем у их западногерманских коллег. Они в большей мере чувствуют себя обязанными своим избирателям, чем той партии, с помощью которой были избраны в парламент. Соответственно, они легче нарушают фракционную дисциплину, чем западногерманские парламентарии. В центре их работы стоят не столько интересы партии, сколько инте-

рессы избирательного округа. Наконец, в Восточной Германии мы имеем дело с иным поведением избирателей на выборах, чем в Западной Германии. Согласно результатам социально-психологического исследования избирательного процесса, проведенного Мичиганским университетом (США), центральную роль при принятии отдельными избирателями решения на выборах играют прежде всего следующие три фактора: партийная самоидентификация, ориентация на кандидата и ориентация на определенную тему. Любопытнее всего то, что в Восточной Германии партийная самоидентификация в силу традиции и привязанности к определенному общественному контексту выражена намного слабее, чем в Западной Германии. Соответственно больше проявляется переменчивость настроений, "летучесть" избирателей. В Восточной Германии выборы выигрываются не столько благодаря мобилизации постоянных избирателей, как в Западной Германии, сколько благодаря завоеванию на свою сторону "летучих" избирателей. Кроме того, восточные немцы сильнее, чем западные, ориентируются на соответствующих главных кандидатов (например, на пост премьер-министра в землях или федерального канцлера). Далее, гораздо большую роль, чем в Западной Германии, играют содержательная сторона политики, конфликтные проблемы, по которым позиции партий расходятся. Так, на выборах в бундестаг в 1998 году центральная конфликтная тема, а именно сокращение безработицы, повлияла на исход голосования в Восточной Германии в большей мере, чем в Западной Германии.

В целом элементы прямой демократии практикуются в восточной части Германии намного интенсивнее, чем в западной: прямая демократия как бы замещает такие посреднические институты, как партии, группы по интересам и гражданские инициативы.

Уроки для России? Заключительным замечанием я хочу предпослать такую сознательно парадоксальную формулировку: нет никаких уроков, которые можно было бы извлечь для России или Алтайского края из выводов политологического исследования партий. Этим я хочу подчеркнуть тезис, высказанный в самом начале: партии и партийные системы развиваются в соответствующем конкретном контексте каждой страны, идут по её специфическому пути. Следует предостеречь от обобщений, абстракций, какой-либо всеобщей типологии или даже теории партий.

Это одновременно означает, что не следует подражать западному примеру, когда исследование партий часто обобщается в типологию или теорию партий. Для России и всех других обществ и политических систем, переживших аналогичный процесс трансформации, решающим является то, что конституирование в них гражданского общества вполне воз-

можно. В Алтайском крае это несомненно так: здесь существуют предпринимательские союзы и другие общественные институты. Таким образом, подготовлена почва для крепких партий, а также для групп по интересам, или для прямой демократии.

Я попытался показать, что нет никакого несчастья или угрозы в том, что партии располагают относительно небольшим числом членов и функционеров. Решающее значение имеет то, чтобы функция посредничества осуществлялась в таком случае другими институтами, например, группами по интересам, парламентом или - что особенно важно для региональных интересов - отдельными депутатами. К тому же организационные недостатки партий можно компенсировать повышением уровня профессионализма. В конце концов, решающее значение для формирования партий имеют не столько первоначальные конфликты, расколы, сколько актуальный программный профиль партии, а также то обстоятельство, имеет ли она харизматических лидеров, выражающих в обществе её программные установки. Существующие в России региональные интересы следует расценивать как позитив, как благо для демократии, и сознательно включать их в круг партийных забот. Местничество и регионализм не разовьются в сепаратизм только в том случае, если местные и региональные интересы будут не только приниматься всерьез, но и включаться в процесс политического посредничества. Партии могли бы сыграть в этой связи важную, даже решающую роль.

Наконец, следует указать также на то, что из-за возможной слабости партий не следует пугаться применения в обозримых местных и региональных рамках средств прямой демократии. Когда значение, влияние и сила партий увеличатся, они сами превратят прямые законодательные инициативы населения и всенародное голосование в средство своей политики.

Итак, в общем и целом я выступаю за то, чтобы считать развитие партий и партийной системы в России вполне "нормальным", т.е. специфически российским. Таким образом, страна находится в сообществе со всеми другими европейскими странами, в которых - таков был один из моих тезисов - существовали только свои собственные пути развития.

Вопросы и выступления

Мельников А.Н. – Спасибо. Г-н Леше выступает у нас второй раз, и каждый раз он показывает четкость дефиниций, строгость логики, что характерно именно для немецкой философии, и глубокое знание излагаемого материала. Пожалуйста, вопросы.

Курныкин О.Ю. – Я хотел бы попросить профессора Леше затронуть вопрос о специфике функционирования региональных партий в моноэтнических обществах и в многонациональных государствах.

Рыжков В.А. – Я думаю, что Петер Леше, как и я, в своем выступлении специально оставил один вопрос открытым, и в эту брешь я сейчас вторгаюсь. Г-н профессор, что думает политический класс Германии относительно проблемы восточных, новых земель? Видите ли Вы какие-либо практические пути для того, чтобы все-таки демократия, партийная система работали там более эффективно, чем сейчас, и пользовались большим доверием граждан, чем сегодня? Спасибо.

Глушков А.Е. – Вчера г-н Шульце в своем докладе сказал о том, что в России созрели условия для создания мощной социал-демократической партии. Каково Ваше мнение на этот счет?

Леше П. – Отвечая на вопросы, я хотел бы начать с последнего. Я очень много работал по вопросу американского рабочего движения, и всегда с той точки зрения, почему в США нет социализма. Я считаю, что великолепно то, что такой же вопрос я могу адресовать сейчас и России. Ответ, о котором до этого уже вкратце говорил Владимир Рыжков, состоит в том, что в России существовал не только карикатурный, но в большей степени террористический вариант социализма, и по этой причине социал-демократические партии испытывают серьезные сложности в том, чтобы найти свой базис. Абстрагируясь от всех остальных причин, эта причина является самой решающей. Это относится в той же самой степени к новым федеральным землям, к Восточной Германии. Там мы имеем дело с партией, вышедшей из бывшей Коммунистической партии, очень пестрой, очень разнообразной партией Демократического социализма, которая, однако, является протестной партией, являясь при этом региональной партией, и избирается лишь как бывшая Коммунистическая партия небольшим количеством бывших функционеров.

Сейчас в новых федеральных землях мы имеем дело с региональной партией Демократического социализма, а с другой стороны, в Западной Германии, мы имеем дело с двумя региональными партиями – Либеральной партией, ориентированной больше на экологические проблемы, то есть партией зеленых, и Свободной демократической партией, ориентированной больше на рыночную экономику. Кроме того, у нас есть еще баварский вариант регионализма, а именно Христианский демократический союз. Как раз в такой расстановке позиций проявляется, насколько важное значение имеют региональные партии. Они выполняют стабилизирующую функцию, они являются своего рода противовесом сепаратизму, и это то, чему мы совершенно спокойно дали возможность развиваться. Несмотря на

весь скепсис, который существует в Восточной Германии в отношении партий, мы исходим из того, что в рамках другой партийной системы, в которой демократия укореняется, существует недовольство партиями, раздраженность от них, но не существует раздраженности от демократии.

Что касается первого вопроса, то он не отвечает немецким условиям. Хотя мы и имеем большие или малые национальные меньшинства, такие как датчане или сорбы, но мы не являемся мультиэтнической нацией. Тем не менее, лучшим примером для этого, с моей точки зрения, является Швейцария. Там партии не играют такой большой роли, как, например, в Германии, зато значительно большую роль играют группы интересов и элементы прямой демократии (в большей степени на местном и региональном уровнях). Я могу себе представить, что с этой точки зрения Швейцария может представлять интересный пример для России. Но это как раз противоположность бюрократическому централизму. Швейцария является примером регионализма и децентрализации. Самый решающий вопрос для развития демократии в России – каким образом можно сочетать централизм, децентрализацию и регионализм? Спасибо.

Мельников А.Н. – Спасибо! Слово предоставляется президенту Фонда «ИНДЕМ» Сатарову Георгию Александровичу.

Сатаров Г.А.

ВЛИЯНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ПАРТИЙНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИСТЕМЫ РОССИИ

Последний год характерен некоторым возбуждением политической общественности. Кто-то пытается административными методами перекраивать политическое пространство. Кто-то пробивает закон о партиях, а кто-то препятствует. Оформляются партии и их новые союзы. Одним словом, политический бульон кипит. Хотелось бы понять: а к чему все это приведет? Как повлияют нынешние законодательные новации на партийную систему? Как и то, и другое повлияет на политическую систему в целом? Ответы на эти и смежные с ними вопросы – предмет поиска в этих очерках (с легким налетом аналитики).

1. Почему речь идет о партиях? Нередко говорят, ссылаясь на опыт зрелых демократий, что партии отмирают, и что их заменяют «клубы влияния». Во-первых, это сомнительно по сути. Во-вторых, если у пожилого человека, как ему кажется, отмирает некоторая функция, то это не означает, что молодому человеку следует от этой функции отказываться. Образование партийной системы – неизбежная и необходимая фаза развития (взросления) демократии, через которую не удастся перескочить.

Самое главное – место и роль партий в политической системе во многом определяют функционирование всей политической системы. Простой пример – число партий. Работы по стабильности демократических режимов содержат наблюдение, согласно которому излишнее число партий и излишняя нестабильность их состава являются одним из важных факторов нестабильности зарождающихся демократических режимов²⁶.

2. Взаимовлияние избирательного законодательства, партийной системы и политической системы. Если говорить о классических примерах, то к ним, очевидно, относится имущественный ценз в избирательном законодательстве. С одной стороны, наличие ценза является свидетельством определенной исторической стадии развития политической системы. С другой стороны, отмена ценза оказывает определенное воздействие на политическую систему. Например, Алексис де Токвиль заметил, что подобное нововведение привело к явно наблюдаемому эффекту: «Для современной Америки редкое привлечение на государственные посты выдающихся людей – обычное явление. И нужно признать, что это

²⁶ Хуан Хосе Линц. Крушение демократических режимов: кризис, разрушение и восстановление равновесия. Использован полный перевод этой книги, приведенный в журнале “Проблемы Восточной Европы”, №39, 40. Вашингтон, 1993.

стало происходить по мере развития демократии. Совершенно очевидно, что за последние полвека американские государственные деятели значительно измельчали»²⁷.

Яркий отечественный пример обоюдного влияния: выборы народных депутатов СССР. С одной стороны, характер политической системы отразился на избирательном законодательстве. Например, ведущая роль КПСС проявилась в институте прямого делегирования от, условно говоря, общественных организаций. А среди них – самая главная общественная организация КПСС делегировала т.н. «партийную сотню». Насколько была искусственна политическая система, настолько была искусственна партийная система.

Но еще ярче было влияние нового избирательного законодательства на политическую систему. Очевидно, что с появлением реально конкурентных выборов политическая система СССР начала претерпевать необратимые изменения (зарождение протопартий, появление оппозиции и т.п.), перешедшие в революцию.

В данном докладе речь будет идти только об одном направлении указанного выше влияния: от избирательного законодательства к партийной системе, а от нее к политической системе.

3. Что в избирательном законодательстве мы будем рассматривать? Избирательное законодательство регулирует разные стороны института представительства. Можно реконструировать особенности политической системы по нормам, регулирующим роль СМИ в выборах или роль института независимых наблюдателей. Точно также можно предсказать, как эти нормы будут влиять на результаты выборов, на отношение граждан к этим результатам, а значит – на партийную и политическую системы.

Но в этом докладе пойдет речь об одной стороне – о «формуле избирательной системы», т.е. о том, как голоса граждан преобразуются в места их избранников в законодательном органе (обычно говорят о мажоритарной, пропорциональной, смешанной системах и различных их модификациях).

4. Появление пропорциональной системы и его влияние. Пропорциональная система появилась осенью 1993 г. Расчет политиков демократического фланга был прост: надо было максимально использовать победу над оппозицией, одержанную Б. Ельциным. Для этого необходимо было получить контроль над законодательной властью. Имея контроль над

²⁷ Алексис де Токвиль. Демократия в Америке. М., 1994. Цитата приведена из параграфа «О решениях народа и особенностях американской демократии, отражающихся в этих решениях», глава V, часть 2, книга 1.

электронными СМИ, было легко получить односторонние преимущества в широкомасштабной агитации, в пропагандистской «стрельбе по площадям». Ясно, что эффективнее всего это преимущество могло быть использовано при агитации за партийные списки, с тем, чтобы дружные отряды демократов на волнах победы и эфирных волнах вплыли в Думу на партийных лодках.

Это был типичный пример ставки на краткосрочную выгоду при игнорировании (и просто при полном отсутствии понимания) стратегических опасностей и текущих политических реалий. Не мудрено, что подобные расчеты не оправдались, а избирательная кампания закончилась для демократов провалом. Его количественные характеристики приведены в следующей таблице.

Таблица 1. Результаты парламентских выборов 1993 г. в их пропорциональной части²⁸

№	Общественно-политическое объединение	% голосов	Места в Думе	Код
1	ЛДПР	22,92	59	0
2	«Выбор России»	15,51	40	1
3	КПРФ	12,40	32	5
5	«Женщины России»	8,13	21	3
4	АПР	7,99	21	5
6	«Яблоко»	7,86	20	4
7	ПРЕС	6,73	17	1
8	ДПР	5,52	14	3
9	ДДР	4,08	0	2
10	ГС	1,93	0	3
11	Будущее России - Новые Имена	1,25	0	3
12	«Кедр»	0,76	0	3
13	«Достоинство и милосердие»	0,70	0	3

²⁸ Здесь и в следующей таблице последний столбец содержит коды партий в соответствии со следующей классификацией: 0 – ЛДПР, 1- движения прямой поддержки режима; 2 - движения умеренной поддержки; 3 – центристы; 4 - либеральная оппозиция; 5 – левая оппозиция (данные взяты из сайта Центральной Избирательной Комиссии РФ).

Дело не только в том, что победил Жириновский. Гораздо хуже, что проиграли именно те партии, которые режим более всего хотел бы видеть в новом парламенте. Ведь именно с ними – умеренными центристами – было бы легче всего заканчивать радикальную фазу революции.

Интересно в этом свете сравнить результаты выборов по мажоритарным округам и по спискам. Поскольку сравнение надо проводить по депутатам, допуская для себя политическую самоидентификацию в терминах наличествующих парламентских фракций, то это можно сделать, наблюдая за тем приращением, которое получили фракции из числа депутатов, прошедших в Думу после победы в мажоритарных округах. Временный регламент Думы допускал как рекрутирование во фракции «мажоритарщиков», так и создание из их числа новых депутатских групп. Таблица 2 содержит в пятом слева столбце численность зарегистрированных после «распродажи рабов» фракций и групп.

Таблица 2. Пополнение фракций и создание новых групп

№	Фракция (групп)	% голо- сов	Мес- та в Думе	Число в группе	Доля	К о д
1	ЛДПР	22,92	59	63	1,83	0
2	«Выбор России»	15,51	40	78	17,35	1
3	КПРФ	12,40	32	45	5,94	5
5	«Женщины России»	8,13	21	23	0,91	3
4	АПР	7,99	21	55	15,5	5
6	«Яблоко»	7,86	20	27	2,41	4
7	ПРЕС	6,73	17	30	5,94	1
8	ДПР	5,52	14	15	0,46	3
9	«Новая региональная политика»	-	-	67	30,59	3

Таким образом, на первом этапе работы Думы 179 из 219 избранных депутатов из числа «мажоритарщиков» примкнули к фракциям или группам. В шестом столбце Таблицы 2 приведен процент примкнувших к каждой фракции (группе) «мажоритарщиков» от их общего числа (а не от суммарного числа примкнувших). Если принять этот процент за возможный общий результат выборов по мажоритарной системе, то не трудно убедиться, что таким образом сформированная Дума имела бы совсем другой вид. Жириновский оказался бы одиноким маргиналом, левая оппозиция сохранила бы свое представительство, прорежимные демократы и центр усилились бы. Это при том, что в кампании 1993 г. демократы

практически не работали в округах, в то время как левые, ущемленные в использовании центральных информационных ресурсов, проявляли там весьма высокую активность.

Даже самые пессимистические оценки показывают, что Дума, которая при некоторых осмысленных усилиях могла сформироваться в условиях действия обычной мажоритарной системы, была бы более сбалансированной, устойчивой, менее политически истеричной, более конструктивной и работоспособной. Можно предположить, что российские реформы при такой Думе развивались бы более уверенно и планомерно; что наличие конструктивного парламента позволило бы по-другому решать проблему Чечни, что спокойное развитие реформ и отсутствие жесткого противостояния с оппозицией побудили бы Президента Ельцина отказаться от участия в президентских выборах 1996 г., и страна гораздо раньше перешла бы к постреволюционной фазе развития. Такова цена ошибки, допущенной осенью 1993 г., когда не критично, без серьезного политологического анализа был сделан выбор в пользу смешанной избирательной системы.

Приведенное рассуждение в жанре «что было бы, если бы ...» в известной мере спекулятивно. Но оно наличествует здесь не для поиска исторической истины, а для иллюстрации влияния избирательной системы на политическую.

Разлагающему влиянию несвоевременного введения смешанной системы в нашу политическую практику можно было бы посвятить тома. Ограничусь здесь только кратким перечнем «язв», порожденных этой стратегической ошибкой:

- неадекватность структуры представительства задачам модернизации;
- отсутствие стимулов для формирования нормальных партий;
- установление практики формирования властных клиентелл вместо создания полноценных партий;
- излишняя политизация процесса законотворчества;
- стремительная коррумпированность выборов (например, торговля местами в списках).

5. Картина партийной системы. Однако за окнами уже новое столетие, и хотелось бы по такому радостному поводу обозреть поле боя, на котором происходят нынешние политические схватки: какова же теперь наша партийная система. Для ответа на этот вопрос была проведена многоступенчатая экспертиза. На первой ее фазе небольшая группа экспертов формировала список функций, которые должны выполнять партии в политической системе. Отобранный список приведен в следующей таблице;

к некоторым пунктам даны комментарии. Замечу, что порядок расположения функций не корреспондируется с их важностью.

Таблица 3. Функции партий, отобранные экспертами

Наименование функций	КОММЕНТАРИЙ
Организация общественного обсуждения важных проблем	В современных теориях демократии («демократия участия», «открытое общество» и т.п.) эта функция рассматривается как одна из самых важных.
Защита ушедших в отставку политиков от неоправданных политических преследований	Одна из целей демократической организации общества – бескризисная смена власти. Политики должны быть защищены от политически преследований, чтобы не цепляться за власть всеми доступными средствами.
Формирование и предложение альтернативных программ развития страны	
Выращивание и продвижение новых политиков	Партии – инкубаторы политической элиты. Этот принцип и эта практика давно стали повсеместными.
Выявление, трансляция и представительство интересов избирателей	
Борьба за власть и ее укрепление для реализации своей программы	
Формирование и пропаганда своей идеологии, системы ценностей	
Использование механизмов ответственности за своих представителей во власти	Эта функция в некотором смысле двойственна функции 2 в данной таблице. Наряду с защитой невиновных партии применяют механизмы ответственности к виновным. Последний известный пример – скандал с Г. Кодем.
Организация общественной и политической активности граждан	В современных теориях демократии («демократия участия», «открытое общество» и т.п.) эта функция рассматривается как одна из самых важных
Поддержка и защита своих представителей в органах власти	Делегируя своих представителей во власть и беря за них ответственность, партия обязана поддерживать их в той мере, в которой они реализуют ее программу.
Контроль за действиями органов власти	

На следующей стадии экспертизы работали другие эксперты. В этом качестве выступали участники семинара «Полития» – главным образом, аналитики партий, общественных организаций, властных органов и коммерческих структур – общим числом около 40 человек.

Эксперты должны были оценивать функции партий из приведенного выше списка по четырем свойствам, используя привычную со школьных лет шкалу оценок.

№	Вопрос	Шкала оценки
1	Важность каждой функции партии для демократической политической системы	5 – очень важно; 4 – важно; 3 – не очень важно; 2 – не важно
2	В какой мере партии в России выполняют свои функции	5 – очень хорошо; 4 – хорошо; 3 – посредственно; 2 – плохо
3	В какой мере свои функции выполняют партии в знакомой Вам стране с устоявшейся эффективной демократией	5 – очень хорошо; 4 – хорошо; 3 – посредственно; 2 – плохо
4	Оцените, в какой мере принятие нового закона о партиях повлияет на выполнение ими каждой из функций	5 – решающе; 4 – значительно; 3 – умеренно; 2 – не повлияет

Результаты экспертизы приведены в следующей таблице. Достаточно большое число экспертов, задействованных в экспертизе, позволило применить для статистической обработки простое усреднение экспертных баллов (при том, что стандартное отклонение оценок не превосходило 0,95, составив в среднем 0,67).

В таблице приведены средние баллы. Обозначения столбцов:

- «Оценка» – важность функций партий;
- «Россия» – как функции реализуются партиями в России;
- «Идеал» – как функции реализуются в развитых демократиях;
- «Сдвиг» – оценка возможных улучшений вследствие принятия закона о партиях.

Таблица 4. Результаты экспертизы функций партий

№	Наименование функции партии	Оценка	Россия	Идеал	Сдвиг
1	Организация общественного обсуждения важных проблем	4,52	2,70	4,19	2,28
2	Защита ушедших в отставку политиков от неоправданных политических преследований	3,00	2,75	3,55	2,22
3	Формирование и предложение альтернативных программ развития страны	4,61	2,79	4,13	2,34
4	Выращивание и продвижение новых политиков	4,52	2,76	4,56	2,66
5	Выявление, трансляция и представительство интересов избирателей	4,76	2,48	3,84	2,50
6	Борьба за власть и ее укрепление для реализации своей программы	4,58	3,33	4,47	2,81
7	Формирование и пропаганда своей идеологии, системы ценностей	4,42	3,06	3,94	2,47
8	Использование механизмов ответственности за своих представителей во власти	4,21	2,27	3,81	2,34
9	Организация общественной и политической активности граждан	4,24	2,61	3,94	2,44
10	Поддержка и защита своих представителей в органах власти	3,91	3,16	4,26	2,42
11	Контроль за действиями органов власти	4,55	2,52	4,31	2,29

Не удивительно, что эксперты отметили в качестве наиболее важных такие общественно-значимые функции, как (в порядке убывания важности): выявление, трансляция и представительство интересов избирателей; формирование и предложение альтернативных программ развития страны; борьба за власть и ее укрепление для реализации своей программы; контроль за действиями органов власти.

Не удивительно также, что из этих функций наши партии лучше всего справляются с борьбой за власть. Значительно хуже обстоит с функциями, которые важны не самой партии, а обществу. Кроме того, эксперты крайне скептически относятся к возможности исправить положение дел введением в действие нового закона о партиях.

Естественно, что наш партийный организм страдает не только от дисфункций, т.е. скверного выполнения положенных функций, но и от

длинного списка собственных болезней (или проблем). Список таких проблем, отобранных экспертами, приведен в следующей таблице.

Таблица 5. Проблемы партий и партийной системы, фигурировавшие в экспертизе

Проблема	Комментарий
Оторванность от избирателей, равнодушие к их интересам	Эта проблема в существенной мере порождена избирательной системой. Если партиям нужен избиратель только в момент кампании, когда можно воздействовать на него через электронные СМИ, то нет потребности в постоянном взаимодействии с ним.
Закрытость организационной и финансовой деятельности	Это пытаются до некоторой степени исправить предложенный Президентом проект закона о партиях.
Программное однообразие и примитивизм	Это проблема не только партий, но и культурной, интеллектуальной среды, в которой они действуют. Это, безусловно, более широкая общественная проблема. Но следует признать также существование расхожего представления, бытующего среди политиков, что серьезные программы просто не нужны.
Безответственность	Безответственность партий порождается, во многом, правовыми рамками их существования. Например, если партии не отвечают за Правительство по Конституции, то неоткуда брать и ответственности.
Зависимость от капитала	По не очень ясным причинам наши депутаты опасаются нормы, содержащейся в президентском проекте закона о партиях, о государственном финансировании партий. Напрашивается предположение, что нынешняя закрытая зависимость от капитала им выгоднее.
Отсутствие разветвленной региональной структуры	Здесь также причина в действующей избирательной системе. Нет стимула для постоянной работы с избирателями.
Сервильность	Наши партии оппозиционны только в сфере публичной политики. Начиная с 1994 г. не было ни одного шага, который свидетельствовал бы о реализации принципиальной позиции.
Идеологическая неинтересность и невнятность	См. комментарий к проблемам 1 и 3. Общение с избирателями по большей части через СМИ во время избирательных кампаний приводит к замене сути на имидж.

Как и в вышеописанном случае, эти проблемы оценивались экспертами по следующим четырем шкалам.

№	Вопрос	Шкала оценки
1	Вредность каждой проблемы партий и партийной системы для стабильности демократии	5 – очень вредно; 4 – вредно; 3 – не очень вредно; 2 – не вредно
2	В какой мере партиям и партийной системе в России присущи перечисленные ниже проблемы	5 – в высшей мере; 4 – присущи; 3 – слабо; 2 – не присущи
3	В какой мере присущи следующие проблемы партиям и партийной системе знакомой Вам страны с устоявшейся эффективной демократией	5 – в высшей мере; 4 – присущи; 3 – слабо; 2 – не присущи
4	В какой мере принятие нового закона о партиях поможет решить приведенные ниже проблемы в России	5 – решающе; 4 – значительно; 3 – умеренно; 2 – не поможет

Результаты обработки экспертизы, осуществленной так же, как и в предыдущем случае, приведены в следующей таблице.

Приведены средние баллы. Обозначения столбцов: «Оценка» – важность проблемы; «Россия» – в какой мере проблема свойственная российским партиям и партийной системе; «Идеал» – в какой мере проблема свойственная партиям и партийной системе в развитых демократиях; «Сдвиг» – оценка возможных улучшений вследствие принятия закона о партиях.

Таблица 6. Результаты экспертизы проблем партий и партийной системы

№	Наименование проблемы	Оценка	Россия	Идеал	Сдвиг
1	Оторванность от избирателей, равнодушие к их интересам	4,67	4,58	3,10	2,19
2	Закрытость организационной и финансовой деятельности	3,91	4,67	3,29	2,55
3	Программное однообразие и примитивизм	3,94	4,15	3,42	2,29
4	Безответственность	4,48	4,55	2,97	2,29
5	Зависимость от капитала	3,48	4,39	4,00	2,35
6	Отсутствие разветвленной региональной структуры	3,85	3,79	2,68	3,00
7	Сервильность	4,03	3,93	3,00	2,56
8	Идеологическая неинтересность и невнятность	3,97	4,00	3,03	2,32

В приведенной таблице обращает на себя внимание то, что две проблемы – «Оторванность от избирателей, равнодушие к их интересам» и «Безответственность» – лидируют в оценках экспертов как наиболее выраженные в нашей партийной системе. Одновременно они же входят в число наиболее болезненных проблем вообще. Интересно, что проблема «Зависимость от капитала» оценивается экспертами как достаточно серьезная и для России, и для стран развитой демократии.

В целом, проведенная экспертиза продемонстрировала достаточно единодушную и весьма скептическую оценку российскими экспертами состояния партийной системы России. Ее крайне слабое функциональное состояние сочетается с наличием серьезных проблем. Эксперты полагают, что принятие закона о партиях мало скажется на ситуации.

6. Проблемы политической системы. Как было установлено выше, свойства партийной системы оказывают воздействие на политическую систему. Так происходит и в России. Ниже мы рассмотрим небольшой перечень дефектов нашей политической системы, наличие которых во многом обусловлено установленными выше дисфункциями и проблемами партийной системы. Конечно, эта связь не проста и не однозначна. Например, перечисленные ниже дефекты определяются не только формулой

избирательной системы и порожденными ею качествами партийного гуща, но и другими важными причинами, главными из которых являются Конституция и состояние политической культуры. Перечисление, приведенное ниже, не координируется с важностью упомянутых проблем.

Федерализм – партии не обеспечивают склеивающую политическую функцию за счет вертикальной интеграции. Отсутствие нормальных партий и непривлекательность наличествующих способствует постоянному появлению новых партий, местных этнических, корпоративных и т.п. Местные лидеры придумывают под себя местные партии. Они поддерживают федеральные партии, словно выполняют повинность или роль в массовке, когда играется пьеса, в которой в качестве главных героев – московские политики. Планомерную социализацию партиями своих политических кадров заменяет поиск федеральными политиками региональных сателлитов по двум основным признакам: «проходящесть» и «подходящесть». Причем первый критерий много важнее второго. Обе стороны некоторое время делают вид, что принадлежат одной партии, затем союз рассыпается. Проблема в том, что поиск временных соратников из числа местного начальства – практически единственная форма региональной активности московских политических клубов. Не взаимодействуя постоянно и активно с разнообразными институтами гражданского общества в регионах, нельзя добиться укоренения за пределами Садового кольца Москвы.

Введенный в действие закон о партиях фактически объявляет: у нас есть очень плохой клей (нынешние партии), отныне клеить (федерацию) можно только этим клеем; появление других клеев запрещается. Все это довольно опасно, поскольку весной 2000 г. по устойчивости федерации уже был нанесен страшный удар, когда лидеров регионов отстранили от реального участия в федеральной политике. Затем страна была поделена на семь кусков, каждый из которых теперь спокойно может стать самостоятельным государством. Если все это клеить теперь клеем и наших жидких партий, то здание Российской Федерации будет сродни соломенному дому поросенка Наф-Нафа.

Стабильность демократии – общеполитический консенсус вокруг базовых ценностей все еще не зафиксирован, поскольку практически отсутствуют субъекты этого консенсуса. В песочнице возможны либо полная любовь, либо драка. На согласование интересов младенцы не способны – это появляется с возрастом. Таковы и наши партии. Характерный пример: когда весной 1994 г. президент Б. Ельцин предложил подписать Договор о политическом согласии, многие его оппоненты приняли это в штыки: мол, это ему выгодно. Вопрос о том, выгодно ли это стране, почти не рассматривался.

Безусловно, бывают моменты, когда наши партии, независимо от их политической окраски, сообща встают, например, на защиту Конституции. Так было в конце августа 1998 г. после дефолта в момент крайней политической нестабильности до избрания в качестве премьера Е. Примакова. Тогда все – от Явлинского до Зюганова – заявляли: «Только не трогать Конституцию, это все, что у нас осталось». В тот момент такое единение порождалось исключительно страхом перед возможными потрясениями и отсутствием точек опоры в виде лидеров, институтов или политических сил. Как только опасность миновала, консенсус распался.

Легко представить себе, что при отсутствии явной общей угрозы, но в условиях легкой нестабильности и некоторого экономического роста (экономика начинает зарабатывать то, что потом могут делить политики) наши политические младенцы легко могут стать жертвами соблазна идей вроде «сильного государства» или «национальной самобытности», ради воплощения которых на алтарь будущего величия можно будет бросить демократию. Легко представить также, что единого партийного фронта сопротивления не обнаружится. Все это легко представить, потому что, в некоторой мере, это уже происходит.

Идеология – до сих пор не выработана привлекательная идеология модернизации. Конечно, это проблема соотношения спроса и предложения. Предложение со стороны интеллигенции, бесспорно, слабовато. И потому партиям не из чего выбирать. Но, с другой стороны, не существует и спроса (либо он крайне некритичен). Программы рассматриваются наряду с прочей рекламной продукцией (растяжками, стикерсами и майками). Два характерных примера. Подавляющее большинство членов избирательного штаба Б. Ельцина в 1996 г. рассматривало его предвыборную программу как необходимый атрибут кампании, к которому предъявлялось три ключевых требования: она должна быть; людям должно быть известно, что она есть; у нее должны быть симпатичные название и обложка. Второй пример, развивающий идеи первого: конец 1999 г., незадолго до дня парламентских выборов; картинка по телевизору демонстрирует лидера СПС Кириенко, вручающего В. Путину том с экономической программой правых, по толщине превосходящий голову их лидера. Ясно, что документ такого объема не предназначается для чтения в качестве программного документа. Его функция – реквизит в кадре рекламного политического ролика.

Между тем, данные социологических исследований показывают, что отсутствие внятных идеологем является проблемой для существенной части избирателей. По мере политического взросления российские граждане все яснее отличают суть от подделки, но, видя от партий только по-

следнее, они все меньше воспринимают партии как серьезный субъект политической жизни. Концепции будущего, смысла жизни и т.п. – это те огоньки, на которые во мраке переходного периода слетаются люди. Наши партии этих огоньков не зажигают.

Политическая преемственность – используются теневые механизмы вместо легальных и открытых. Политическая природа не терпит пустоты, так же как и природа физическая. Если правящий режим не подкреплен правящей партией, действующей в открытом политическом пространстве, то место партии занимают другие институции, которые берутся выполнять отдельные функции отсутствующей партии.

Вот пример из нашего почти настоящего. Партия должна обеспечивать защиту уходящего в отставку политика (если он ее не шибко компрометирует), подыскивать преемника, обеспечивать сохранение курса и т.п. Если она это не делает, или партии попросту нет, то эти функции, которые партия выполняет, по преимуществу, открыто, берут на себя другие структуры. Именно эта пустота – одна из причин, порождающая феномен, обозначенный в нашем политическом лексиконе термином Семья.

Административно-бюрократическая система выработки курса страны. Как было упомянуто выше, одна из функций партий – выработка альтернативных программ развития страны. В норме это делается в условиях конкуренции программ, являющейся следствием политической конкуренции. В силу публичности политической жизни, эти программы обсуждаются сторонниками и критикуются конкурентами, что, вообще говоря, может приводить к улучшению качества таких программ. Публичность программ влечет, как минимум, символическую ответственность за их реализацию.

В нашем случае программная импотенция партий или, в редких случаях, сопряженное с первым обстоятельством игнорирование небольших программных успехов партий приводят к тому, что программы развития разрабатываются административно-бюрократическими методами. Приглашение к таким разработкам независимых экспертов абсолютно не меняет дело и имеет чисто символическое, пропагандистское значение. Закрытый механизм таких разработок позволяет политикам, обладающим властью реализации программ, не оглашать их, либо оглашать их частично, либо оглашать искаженно. Та же власть и та же закрытость позволяет не реализовывать эти программы, либо реализовывать частично, либо реализовывать с любыми неконтролируемыми искажениями. Политикам это выгодно, поскольку позволяет обходить ответственность за просчеты и неудачи и присваивать случайные успехи. Стране это не выгодно.

7. Что делать? Ответ на этот сакраментальный вопрос может быть весьма развернутым. Здесь же достаточно ограничиться несколькими стратегическими соображениями.

Во-первых, нормативное влияние на партийную систему должно быть комплексным. Это значит, что жестко скоординированным изменениям должны подвергаться отдельные положения Конституции, законодательство о партиях, законодательство о выборах и проведении референдумов. К этому должна добавляться целенаправленная совместная работа политической элиты по формированию современной политической культуры.

Во-вторых, упомянутые изменения должны иметь следующий общий вектор: создавать такие условия, при которых естественные природные политические рефлексы (интересы) партий, реализуясь, в максимальной степени работали бы на общество. Бесплезно при нашей правовой культуре пытаться управлять партийной жизнью ограничительными нормами.

В-третьих, необходимо сломать традицию, в соответствии с которой законодатели трактуют избирательное право только с одной его стороны – как пассивное избирательное право, т.е. право быть избранным. Существующее законодательство о выборах весьма слабо интересуется гражданами, избирателем, носителем активного избирательного права. Законы пишутся не для удовлетворения этого права, а для облегчения воспроизводства действующей политической элиты. Необходимо думать о другом – как в избирательном законодательстве реализуется фундаментальное право граждан управлять страной через своих представителей.

Вопросы и выступления

Мельников А.Н. – Спасибо, Георгий Александрович. Пожалуйста, вопросы.

Емешин К.Н. – Георгий Александрович, я задам Вам вопрос, который я года четыре назад задавал на этой же конференции г-ну Бунину: как Вы расцениваете постоянно возрастающую роль вмешательства в политическую жизнь и деятельность партий так называемых спецслужб? Он мне тогда ответил, что это никакой роли не играет. Но уже прошло четыре года, и мой вопрос оказался правомерен. Как Вы оцениваете эту тенденцию?

Сатаров Г.А. – Дело в том, что я человек не партийный, никогда таковым не был, не являюсь и, надеюсь, не буду. Поэтому, по моему личному опыту, я здесь никакого влияния не ощущаю. Что касается моих сведений о вмешательстве в политическую жизнь, то со стороны тех, кто в эту жизнь вовлечен, я, честно говоря, больших жалоб не слышал. Мне, есте-

ственно, разные люди говорят много про коррупцию или еще про что-то. Может быть, я не прав, – я опираюсь исключительно на собственный опыт, на те сведения, которые у меня есть, – но эти сведения не позволяют говорить мне об этом как о какой-то серьезной проблеме.

Рыжков В.А. – Я хочу спросить о том, что Георгий Александрович знает очень хорошо. Георгий Александрович, почему Борис Николаевич Ельцин, который шел от «Демократической России», от мощной демократической коалиции, все-таки принял для себя решение стать беспартийным президентом, почему он не принял решение создать президентскую партию, хотя это ему неоднократно советовали, и эта тема неоднократно обсуждалась? Как Вы полагаете, какое влияние оказывает на Россию тот факт, что и первый, и второй президент тщательно сторонится партий и выстраивает себя как непартийный, надпартийный и неподконтрольный партиям и обществу институт?

Сатаров Г.А. – По порядку. Я напомним, что, когда Борис Николаевич в 1990 г. был избран председателем Верховного Совета, одно из условий той дискуссии, которая этому предшествовала, той очень напряженной борьбы с Полозковым, состояло в том, что он станет беспартийным председателем Верховного Совета. Помните? Более того, через некоторое время после этого, на последнем съезде КПСС, он вышел из партии. И когда он произносил эти слова, он сказал: «Я выхожу из партии, потому что я стал председателем Верховного Совета и обещал, что я буду вне партий». Он вышел и из КПСС, и из «ДемРоссии», хотя «ДемРоссия» в тот момент была чрезвычайно популярна. Нельзя сказать, что это был совершенный политический механизм, но это было мощное движение. Он вышел из нее, и эта позиция, как мне кажется, для него закрепилась. До 1996 г., и даже включая 1996 г., он находился в таких условиях, что есть некий партийный гумус, который к нему более или менее примыкает, его критикует, то отхлынет, то нахлынет и т.д., но, в общем, в критический момент мы договоримся: «меня поддержат, а я спасу». В 1996 г. сработал тот же самый рефлекс. Но первоначальным толчком была именно победа в борьбе за пост председателя Верховного Совета РСФСР. После этого, в 1996 г., действительно были очень настоятельные рекомендации (я в том числе в этом участвовал и другие аналитики) создать президентскую партию на 2000 г., которая прежде всего должна решать задачу преемственности курса нормальным, открытым, цивилизованным образом. Но это было удобно делать на волне победы на выборах. Вы помните, тогда была коалиция, она некоторое время, несколько месяцев, продолжала функционировать. Они собирались и обсуждали уже текущие политические проблемы, текущее законодательство и т.д. Может быть, если бы Ельцин был здоров, то со-

хранилась бы коалиция, его политическая динамика, было бы под что собираться. Но больной, теряющий силы, теряющий популярность президент не является стимулом для какого-то объединения. Ну а дальше поезд просто ушел.

Теперь последнее. Почему Ельцин выбрал такую позицию. Он имел некий образ самого себя, образ народного президента. Не всегда этот образ, мягко говоря, был адекватен, но, тем не менее, он сам себя ваял. Что касается Путина, то я думаю, что ответ на этот вопрос дан в Вашем докладе. Коль скоро партии настолько непопулярны, так зачем с ними связываться? Даже с «Единством», которое он породил. Как Вы думаете, Путин понимает, что его породил? Я думаю, что понимает. Поэтому он старается проявлять осторожность.

Чернышов Ю.Г. – Георгий Александрович, мне показался очень интересным, свежим Ваш анализ, и я хотел бы воспользоваться возможностью и узнать Ваше мнение по поводу перспектив в более широком плане. Уже вчера у нас началась дискуссия по поводу позиций оптимистов и пессимистов и т.д. Все-таки, если начнет действовать этот закон о партиях, к чему мы придем?

И более широко: мы в политическом плане «Евразия» или «Азиопа»? Немецкие коллеги нас вчера убеждали: «Все у вас будет хорошо, вы только будьте увереннее». А мы: «Нет, мы все проблемные, у нас все очень плохо». Есть ли основания для оптимизма? Есть ли вообще в России почва для нормальных партий, или все, что мы создаем, похоже на КПСС или «партию власти», которая живет, пока у власти находится глава этой партии?

Сатаров Г.А. – Я абсолютно солидарен с теми экспертами, обобщенное статистическое мнение которых я оглашал перед вами, что этот закон абсолютно безобиден, ни к чему особенному он не приведет, то есть каких-то коренных изменений в политической системе он не сделает. Это ответ на первый вопрос.

Теперь второй, более сложный вопрос. Понимаете, мы как демократия находимся в абсолютно младенческом состоянии, и нас бессмысленно сравнивать с Америкой, Швецией, Англией и т.д. Это все равно, что сравнивать младенца со штангистом. К примеру, штангисты собрались и говорят: «Смотрите, он мужского полу, а 200 кг поднять не может». А мужскому полу всего-то от пола два вершка. Мы такие с точки зрения эволюции нашей демократии. К этому нужно относиться спокойно. Мы болеем универсальными детскими болезнями, мы не намного лучше или хуже других. Пример, чтобы было понятно. Наш Фонд специально занимается проблемой коррупции, мы это изучаем, меряем, сопоставляем с другими

странами. Если взять переходные, транзитные страны, а мы именно транзитная страна, то в наборе стран от Киргизии до Венгрии мы являемся обычными середняками, не более того. Поэтому наша мания величия, выражаемая в том, что мы постоянно кричим, что мы самые мерзкие, самые гнусные, абсолютно не обоснованна. Мы абсолютно заурядные. Мы в меру гнусные, в меру мерзкие, в меру хорошие. Это не повод к тому, чтобы сильно радоваться, потому что диапазон измерения этой мерзости все-таки сдвинут – всегда во время переходных процессов коррупция повышается, это – естественный закон природы. Но это не основание для того, чтобы относиться к этому спустя рукава.

Я считаю, что перспектива у нас есть, но это перспектива, именно потому, что мы находимся в переходном состоянии, а значит, в неустойчивом состоянии, не перспектива инерции, а перспектива нашего труда и нашей активности.

Мельников А.Н. – Спасибо. Слово предоставляется одному из опытейших политиков, Владимиру Николаевичу Лысенко, депутату Государственной Думы, заместителю председателя Комитета по делам Федерации. Кроме того, мы будем помнить, что Владимир Николаевич – глава Республиканской партии России, то есть ему будет чем поделиться, имея в виду его собственный богатый опыт.

Лысенко В.Н. БУДЕТ ЛИ В РОССИИ ПОЛУТОРАПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА?²⁹

Вялое заявление фракции КПрФ в Думе о желании рассмотреть вопрос о недоверии правительству, неожиданно поддержанное пропрезидентским «Единством», можно рассмотреть либо как сговор двух самых больших фракций в Думе, либо как повод для Кремля завершить концентрацию власти в стране в одном центре.

Сговор коммунистов с «медведями» мы уже видели в начале работы Государственной Думы зимой 2000 г., когда, полностью проигнорировав меньшинство (фракции ОВР, СПС, «ЯБЛОКО» и «Регионы России»), две фракции со своими сателлитами поделили все портфели в нижней палате парламента.

Теперь цена возможного второго сговора неизмеримо выше. Это роспуск (первый за последние восемь лет) Государственной Думы и проведение досрочных выборов осенью этого года. Неподготовленность других партий к такому «блицкригу» порождает у кремлевских политиков надежду на сокрушительную победу на этих выборах пропрезидентского блока. Причем речь идет не только о победе «Единства» или какой-то более широкой коалиции Кремля, а об абсолютной победе, то есть получении в Думе половины депутатских мест. Коммунисты же могут уверенно надеяться на второе место.

Впрочем, не исключен вариант, что Кремль, воспользовавшись желанием КПрФ, наконец, заявить о своей мнимой оппозиционности правительству, решил руками коммунистов провести «перетряску» нижней палаты парламента. Фактически речь идет о введении двухпартийной или даже, если говорить более точно, полупарламентской системы в нашей стране.

Что же собой может представлять новая политическая многоходовка Кремля? За последние месяцы в связи с подготовкой и обсуждением президентского проекта закона «О политических партиях» все бросились изучать мировой опыт партийного строительства, искать подходящую для России многопартийную модель. Кому-то больше нравится мексиканская партийная система, где более сорока лет одна партия находилась у власти; кому-то французская, где президент представляет одну партию, а премьер, опирающийся на парламентское большинство, другую; кто-то приводит в

²⁹ Текст опубликован в «Независимой газете», за 14 марта 2001 г.

пример немецкую систему «партийного государства», где партии получают государственное финансирование.

НАШ И ЧУЖОЙ ОПЫТ. Но сегодня вопрос не в том, кто и чего хочет, а в том, какая реально в России может сложиться партийная и в целом политическая система общества, исходя из исторических традиций, опыта последнего десятилетия и современных реалий развития страны.

Исторический опыт многопартийности в России, прямо скажем, не богат и охватывает начало XX века до прихода к власти в стране большевиков. Практически последующие семьдесят лет коммунистического режима от этой нарождавшейся политической традиции полумонархической, а затем и республиканской России не оставили «живого» следа. И не случайно отдельные попытки возродить в 90-е гг. XX века исторические партии (конституционных демократов, социал-демократов и т.п.) не привели к зримым результатам.

Также нельзя забывать о существовании фракций и о довольно серьезной фракционной борьбе внутри правящей Коммунистической партии в 20-е гг. нашего века. Но и это довольно относительная «внутрипартийная демократия» завершилась как в обществе, так и в самой компартии сталинскими репрессиями 30-х гг.

Поэтому в конце 80-х – начале 90-х гг. начинать партийное строительство в нашей стране фактически пришлось с чистого листа.

В мире исторически становление партий происходило двумя путями. В англосаксонских странах (Англия, США) с глубокими традициями гражданского общества и местного самоуправления, относительно слабой бюрократией и фактически изжитым сословным делением, партии выросли из представительских союзов (прототипов современных профсоюзов, союзов работодателей). В остальных странах и, прежде всего, романо-германских и скандинавских, да и в дореволюционной России, партии складывались на основе клубов единомышленников, сформировавшихся вокруг той или иной идеи общественного устройства, по мере приобретения ими признаков представительских организаций.

Именно вторым путем пошло формирование политических партий в России и других постсоветских республиках (за исключением, может быть, Прибалтики, где сохранились в эмиграции представители исторических партий).

РОМАНТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД. За истекшие десять лет развитие политических партий России условно прошло три видимых периода.

Сначала был «романтический» период (1989–1993 гг.), когда на основе многочисленных интеллигентских клубов самой разной идеологической ориентации стали как грибы возникать новые политические партии.

Первыми среди них были партии демократической ориентации: Социал-демократическая партия, Демократическая партия, Республиканская партия. Они были предназначены скорее для бесконечных дискуссий, чем для серьезной партийной работы.

В то же время стали появляться и «лидерские» партии: Либерально-демократическая партия Владимира Жириновского, Народная партия социалистического развития Александра Руцкого. Следует признать, что ни тем, ни другим не удалось превратиться в инструменты социального представительства, хотя в плане организации лидерские партии явно превосходили демократические.

Первую же роль не только в этот период, но и в последующем играла Коммунистическая партия, построенная по принципу жесткой иерархической вертикали – по тому же принципу, по которому организован государственный аппарат. Сократившись на порядок, КПРФ сохранила в своих рядах около 300 тыс. членов (что больше, чем в остальных партиях вместе взятых) и первички во многих городах и селах.

В это период предпринимались попытки укрупнения партийных структур и справа и слева, но все они закончились неудачей.

Так, возникшее осенью 1991 г. движение «Демократическая Россия», включавшее в себя все основные демократические партии, так и не смогло перерасти в единую организационно-политическую структуру. Внутренние противоречия и постоянные дразги, нежелание президента Бориса Ельцина опираться на серьезную политическую силу вскоре привели к расколу «Демократической России» и дальнейшему перманентному кризису демократического движения.

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД. Второй, «прагматический», период, начавшийся с октябрьских событий 1993 г. и продолжающийся по сей день, характеризуется попытками «встроить» политические партии в систему власти «суперпрезидентской республики», сложившейся в результате принятия ельцинской Конституции.

В результате проведения в декабре 1993 г. парламентских выборов по смешанной системе в Государственной Думе политические партии стали преобладающей силой, но только в Думе. Ни в обществе, ни в политической системе партии не стали главным инструментом осуществления политической власти.

Ельцинская Конституция, провозгласив в ст. 13 многопартийность, сделала все, чтобы отстранить политические партии от принятия важнейших политических решений, не допустить реальной конкуренции (бюрократии, чиновничеству) в борьбе за власть. Да и сама президентская республика, провозглашенная в Основном законе страны, как свидетельству-

ет международный опыт, может сосуществовать только с двухпартийной системой англо-американского образца.

Попытки создания двухпартийной системы предпринимались с 1993 г.. Сначала на роль «партии власти» претендовал «Выбор России» во главе с бывшим премьером российского правительства Егором Гайдаром, а также ПРЕС, возглавлявшийся вице-премьером Сергеем Шахраем. Однако на выборах 1993 г. по партийным спискам неожиданно для многих победила ЛДПР Владимира Жириновского. Это сразу же спутало карты Кремля, который оказался в первой Думе в меньшинстве. В связи с этим желание идти на какие-либо дальнейшие эксперименты по модернизации партийной или избирательной системы отпало, более того, не раз возникали идеи вернуться к мажоритарной системе советских времен, когда при помощи административного ресурса удавалось избирать «кого надо».

В первую Государственную Думу прошло 8 политических партий: ЛДПР, «Выбор России», КПРФ, Аграрная партия России, «Женщины России», «ЯБЛОКО», ПРЕС, и ДПР. Фактически был представлен основной политический ландшафт России, который серьезно не изменился и сегодня: правые – «Яблоко», «Выбор России»; КПРФ и аграрии – левые; ЛДПР – праворадикальное (патриотическое) крыло; слабым был только политический центр.

После этих выборов изменения в российской политической системе происходили в основном в двух плоскостях: на каждом последующих выборах менялась «партия власти» и возникавшие новые партии практически все были лидерскими партиями (как, к примеру, Народно-Республиканская партия Александра Лебеда).

На парламентских выборах 1995 г. Кремль почти открыто попытался создать двухпартийную систему, поручив за «правый центр» отвечать тогдашнему премьеру Виктору Черномырдину (Наш дом – Россия), а за «левый» – председателю Госдумы Ивану Рыбкину (Блок Ивана Рыбкина). Однако для Бориса Ельцина и его окружения результаты были еще хуже, чем в 1993 г. Правящая партия – НДР – получила на выборах меньше 10% и заняла лишь третье место, после коммунистов и ЛДПР, а блок Ивана Рыбкина вообще не попал в Думу.

В Думу в 1995 г. прошло 4 партии, набравшие чуть более 50% голосов избирателей. Основные партийные игроки остались те же.

И, наконец, на парламентских выборах 1999 г. новым был только один момент. Вместо НДР «партией власти» стало «Единство» (партия Путина), выигравшее на финишной прямой соревнование за этот «почетный титул» у блока Примакова – Лужкова «Отечество – Вся Россия» и почти сумевшее догнать КПРФ по голосам, набранным за партийный список.

В Думу прошли шесть политических партий. К старым игрокам (КПРФ, ЛДПР и «ЯБЛОКО»), кроме «Единства» и ОВР, добавился также «Союз правых сил».

Таким образом, можно констатировать, что с формальной точки зрения за 1993–2001 гг. в России сложилась 4–6 партийная система с политическим центром («Единство» и ОВР), правым (СПС и «ЯБЛОКО»), праворадикальным (ЛДПР) и левым (КПРФ) флангами. Все эти шесть партий прошли с большим отрывом от остальных. Сегодня весьма мала вероятность, что новые политические партии смогут попасть в следующую Думу.

ВЗГЛЯД ИЗБИРАТЕЛЯ. А как менялись настроения избирателей за прошедшие семь лет? Данные выборов показывают, что уменьшалась поддержка правых и праворадикальных партий и росло число голосов левых и центристских партий. Так, если на выборах 1993 г. за демократические партии («Выбор России», «ЯБЛОКО», ДПР) проголосовали около 30% избирателей, то в 1995 и в 1999 г. – в два раза меньше (15–16%). Также существенно снизилась за это время поддержка праворадикальных партий. Если в 1993 г. ЛДПР имела 23% голосов, то в 1995-м – около 10%, а в 1999-м около 6%.

В то же время КПРФ и ее союзники, получив в 1993 г. около 20% голосов, на последующих двух выборах достигли планки в 30% голосов. А партии центристской ориентации увеличили свое влияние в парламенте с 15% голосов в 1993 г. до 24% в 1995 г. и до 37% – в 1999 г.

Таким образом, налицо ослабление правого фланга (что связано прежде всего с неудачей проводимых реформ) и усиление левого фланга (ностальгия наиболее пострадавшей от перемен части населения по старым временам). Налицо также рост центристских настроений у населения, что объясняется завершением «революционного» этапа в жизни страны и переходом к эволюционному развитию, когда доверие к действующей власти возрастает.

Нельзя не видеть, что в стране наблюдается определенный политический откат, связанный с неудачей политики реформ прошлого десятилетия. Значительно усиливаются консервативные и антидемократические настроения и ожидания в нашем обществе, которые неизбежно отражаются и в политическом развитии. Наша страна вступила в период «управляемой демократии», который в большей степени отражает наши исторические традиции и нынешние реалии, чем современные модели западной демократии и многопартийности. Я имею в виду прежде всего глубоко укоренившуюся патерналистскую традицию в сознании нашего народа, находившую отражение в правлении одного лица (монарха, генсека, пре-

зидента), отсутствие зрелого гражданского общества и местного самоуправления, очень сильные (со времени заката КПСС) антипартийные настроения, политическая и идеологическая нетерпимость...

Все это на самом деле оставляет очень мало пространства для дальнейшего развития партийной системы, зажимает ее в жесткие заданные рамки общего развития страны. А ведь политика – это искусство возможного, а не желаемого.

ЧТО ПОЛУЧИЛОСЬ. Оглянемся вокруг, и посмотрим, что происходит в партийном плане с нашими соседями по бывшему «социалистическому лагерю». На Востоке в бывших республиках Средней Азии и в Закавказье уже давно установились авторитарные режимы с однопартийной или псевдомногопартийной системой, классическим из которых является режим «Туркмен-баши» В Туркменистане. Хотелось бы также заметить, что в ряде республик Российской Федерации (Калмыкия, Башкортостан, Татарстан, Якутия) также установились патерналистские режимы.

При объединении ГДР и ФРГ в единое государство произошло переосмысление западной партийной модели на восток Германии, и здесь с некоторыми модификациями (Партия демократического социализма, наследница СЕПГ) функционирует «прозападная» система.

В странах Восточной Европы сложились многопартийные системы в основном парламентского типа, как с историческими партиями, так с новыми партийными образованиями. В Польше, Венгрии, Чехии, Республиках Балтии и ряде других власть уже несколько раз переходила от одних политических сил к другим, что свидетельствует об укоренении демократической многопартийной системы. В этих странах в левом спектре по-прежнему сильные позиции имеют бывшие коммунисты, реформировавшие свои партии в социалистические (как в Венгрии, Болгарии) или социал-демократические (Литва).

Россия же вместе с Украиной и Белоруссией оказалась на распутье, «раздираемая» между Европой и Азией. По форме наша партийная система вроде бы ближе к западной, европейской. У нас много зарегистрированных партий; смешанная, а не мажоритарная система парламентских выборов; в парламенте идет постоянная борьба между политическими фракциями; существует свобода слова, собраний, объединений... Однако по содержанию нашей партийной системы мы все же ближе к Азии: за прошедшие десять лет у нас ни разу реально не произошло смены власти; в президентской республике политические партии крайне слабы и безответственны, они не участвуют в формировании правительства и не принимают важнейших решений: все руководство страны беспартийно; сильнейшая зависимость существующих партий либо от исполнительной вла-

сти, либо от олигархов, в том числе теневого коррумпированного капитала.

В данных условиях получается замкнутый круг: власть предрержащие не могут передать власть партиям, потому что они очень слабы и мало-влиятельны в обществе, а партии не могут эту власть взять потому, что созданная политическая система по сути своей антипартийна: она принижает реальную роль партий до инструмента принятия выгодных для исполнительной власти и олигархического капитала законов.

Поэтому надеяться, что в этих условиях мы сможем быстро и безболезненно вести современную демократическую партийную систему, утопично. Мы также не можем ее экспортировать из-за рубежа (как произошло в ГДР), поэтому России, как всегда, остается ее выстрадать.

ПРОГНОЗ. Отсюда весьма вероятно, что на волне популярности нынешнего президента Владимира Путина (около 70% населения поддерживают его курс) будет предпринята попытка перехода «демократическим» путем к партийной системе, отражающей сегодняшние реалии страны и ожидания большинства наших сограждан. Это что-то среднее между монополией КПСС и нынешней «безвластной» многопартийностью, а именно полупартийная система. Суть этой системы, классическим образцом которой является Япония – получение на парламентских выборах «партией власти» более 50% мест в парламенте. И тогда независимо от позиции остальных партий все решения будет принимать эта партия, а все остальные, сколько бы их ни было, будут вечным ничем не решающим меньшинством.

Сегодня это вполне решаемая задача, если президент позовет под знамена правящей партии и организацию «Отечество – Вся Россия» (13% голосов на последних выборах), и профсоюзы Михаила Шмакова, и предпринимателей Аркадия Вольского, и «Россию» Геннадия Зюганова (кстати, последний может и возглавить этот пропрезидентский блок), женские и другие общественные организации. Не говоря уже о таких депутатских группах, как «Народный депутат», «Агропромышленная группа», возможно «Российские регионы». Полагаю, что и часть депутатов правой ориентации перейдет на индивидуальной основе в правящую коалицию. Не менее двух третей губернаторского корпуса с удовольствием поддержат сильную «партию власти».

Хорошо или плохо будет для страны, если утвердится полупартийная система?

История знает разные примеры. Так, в Италии после второй мировой войны Христианско-демократическая партия несколько десятилетий была правящей в коалиции с несколькими более мелкими партиями, что спо-

собствовало движению страны по демократическому пути. В Японии созданная в 1955 г. в результате объединения Либеральной и Демократической партий Либерально-демократическая партия уже около пятидесяти лет с небольшим перерывом находится у власти. Причем внутри этой партии существует несколько влиятельных фракций, в борьбе между которыми и происходит выработка программы партии, курса страны, распределение важнейших министерских портфелей. В Мексике же и Индии многолетнее правление правящих партий в предшествующие десятилетия было мало демократичным.

Поэтому теоретически и полупартийная система в России может быть увязана с демократической процедурой, но при следующих условиях:

- все остальные политические партии должны иметь равные права с правящей партией;
- должна быть обеспечена полная свобода средств массовой информации;
- должны быть обеспечены в полном объеме права граждан;
- должен быть сохранен федерализм, являющийся одним из главных гарантов демократии в Российской Федерации;
- но, самое главное, должна быть обеспечена демократия внутри правящей партии:
 - а) демократическая процедура принятия решений снизу вверх;
 - б) демократическая процедура выборов;
 - в) демократическая процедура внутрипартийной жизни, включающая в себя свободу фракций и групп; право каждого вступить в партию; периодическую сменяемость.

Конечно, в нашей стране довольно трудно рассчитывать на выполнение в полном объеме этих условий правящей партией и исполнительной властью. В то же время полупартийная система как переходная к демократической многопартийной системе может помочь президенту быстро провести через Думу непопулярные экономические и социальные меры и тем самым успешно провести экономическую реформу, обеспечив реальное повышение благосостояния общества, без чего стабильная демократия невозможна. И, наконец, как бы это ни было тяжело осознавать демократической интеллигенции, эта система больше отвечает менталитету нашего народа и переходному состоянию общества от монополии КПСС на власть к многопартийности, чем существующая многопартийная, но маловлиятельная партийная система.

А вот готов ли президент и его окружение, сохраняя демократический строй, использовать сложившийся политический кризис во благо страны, большой вопрос.

Вопросы и выступления

Мельников А.Н. – Спасибо. Доклад закончен, но вопросы, я думаю, остались. Пожалуйста.

Киселев В.И. – Я не все понял в Вашем докладе. Скажите, пожалуйста, Владимир Николаевич, только политические действия, то есть принятие закона о партиях, действия политиков наверху и внизу, действия политической бюрократии типа администрации президента, могут привести (именно в России, а не где-нибудь) к формированию нормальной политической многопартийной системы? Или для этого нужен длительный период экономических преобразований в России, который создаст соответствующую структуру общества, которая породит затем партии, которые будут выражать интересы различных социально-экономических групп?

Мельников С.М. – Владимир Николаевич, у меня два вопроса. Первый такой. Чем Вы все-таки объясните такую высокую популярность, высокий рейтинг Путина в настоящих условиях, поддержку его практически всеми слоями, левыми и правыми? И второй вопрос относительно среднего класса. Не могли бы Вы охарактеризовать нашу сегодняшнюю социальную структуру? И вообще, каковы перспективы развития различных социальных слоев?

Ужакин С.Ф. – Владимир Николаевич, общеизвестно, что Россия – многонациональное государство, и в советское время, пусть даже с определенными издержками, Верховный Совет был сбалансирован между Советом Союза и Советом Национальностей. По новому закону сейчас нельзя формировать политические партии по национальному признаку. Вопрос заключается в следующем. Какова была внутренняя логика разработчиков этой запретительной части? И второе. Какова историческая перспектива такой своеобразной национальной политики?

Емешин К.Н. – Владимир Николаевич, у меня не столько вопрос, сколько то, что Вы можете добавить к своему докладу – наш алтайский факт. Наш губернатор встречался с Немцовым с одним лишь предложением, что он готов ему порекомендовать других людей в СПС.

Пургин Ю.П. – Владимир Николаевич, из Вашего выступления я сделал для себя вывод, что Вы абсолютно уверены в том, что политика власти в отношении средств массовой информации является преемственной, она – просто продолжение того, что делала предыдущая администрация,

доведение этого до логического конца. Считаете ли Вы так действительно? Второй вопрос связан с тем, что Вы говорили о полуторапартийной системе и что спасением в этой ситуации является свобода слова. Но может ли быть свобода слова в логике движения, которое сегодня происходит? Спасибо.

Лысенко В.Н. – Первый вопрос, действительно, общесоциологический: что важнее – политика или экономика? Владимир Мау закончил очень интересное исследование о том, как политика, политическая ситуация демократизации региона влияет на успехи в экономике. То есть не всегда действует марксистская логика, что экономика ведет за собой все эти направления. Но в то же время я, когда начал говорить, что сложились определенные условия, еще не сказал, что, пока мы не накормим страну, нет никаких шансов надеяться, что население будет любить политические партии. Поэтому то, что сегодня делает Путин, а именно те радикальные реформы, которые Борис Николаевич так и не смог провести за 10 лет, абсолютно необходимо. Поэтому сегодня у всех, кроме коммунистов: и у демократов, и у центристов – консенсус, что это главное условие выживания России сегодня. Как только у населения повысится благосостояние, люди вздохнут с облегчением. Тогда и к демократии, и к политике будет совсем другое отношение. Поэтому наша общая задача сегодня – решить экономические проблемы. Я думаю, что это – задача номер один. В этом отношении тогда у людей будет больше времени, сил и желания заниматься политикой и участвовать в работе политических партий.

Что касается рейтинга президента, то честно скажу, что, когда меня два года назад спрашивали, может ли быть в России совершенно новый, неизвестный президент, я говорил: «Нет, не может. За эти восемь лет наш народ настолько политически созрел, что никогда не изберет никому не известного человека». Поэтому то, что произошло в последние президентские выборы, было для меня страшным ударом. При помощи пиаровских акций и политтехнологий сегодня в России, я думаю, можно избрать любого на любую должность. Но в то же время надо отдать должное Путину, потому что он в целом сумел правильно осмыслить то, что произошло в России за последние 10 лет, сделать правильный выбор, и очень умело. С одной стороны, обещает, что экономически и социально ситуация улучшится, а с другой стороны, политически движется к режиму управляемой демократии, что тоже сегодня поддерживает население. Поэтому я думаю, что, если не произойдет чего-нибудь абсолютно чрезвычайного, типа «Курска», маловероятно, что сегодня популярность президента в нашей стране будет уменьшаться.

Что касается среднего класса, то мы проводили большой круглый стол. И, по нашим исследованиям и исследованиям экспертов (они, к сожалению, не совпадают с данными г-на Шульце), средний класс в Российской Федерации составляет около 10%, а не треть населения России. Кроме того, большинство этого среднего класса сегодня находится в Москве и Санкт-Петербурге, а в регионах – это узкая прослойка людей, занимающихся не только малым и средним бизнесом, но и высокооплачиваемым интеллектуальным трудом – медицинские или юридические услуги – высококвалифицированные работники. Поскольку в Москве все богатые капиталисты, поэтому этот средний класс и обслуживает капиталистов. У вас богатых нет, поэтому среднему классу обслуживать некого, и здесь он действительно очень малочислен, слаб и раздроблен. Но в то же время сегодня реальная социальная структура – это интеллигенция, которая очень сильно разочаровалась в десятилетия Ельцина. Именно интеллигенция возглавила демократическую революцию, о которой вчера говорил Мау, и она ничего от нее не получила, и в 1992-1993 гг. уже начала отходить от режима Ельцина. У нас был всплеск люмпенских настроений. Мы помним демонстрации в Москве с применением силы, когда пытались смести этот режим. Но эта волна сегодня практически угасла, хотя значительная часть населения сегодня люмпенизирована. Поэтому, я повторяю, кроме той силы, которая олицетворяет бизнес, есть наиболее активная часть среднего класса, новая часть, более заинтересованная.

Что касается многонационального государства, то, если бы Вы задали этот вопрос в начале 90-х гг., я бы долго о нем рассказывал. Но сейчас эта проблема у нас серьезно ослабла. Кроме Чечни и Северного Кавказа, я думаю, каких-то серьезных национальных коллизий на сегодняшний день не существует. Была идея создания вместо Совета Федерации Палаты национальностей. Я думаю, что это не совсем правильно. Палата регионов, как в Западной Германии, в ряде других стран, в том числе в канадском парламенте – лучший вариант.

Далее. Что касается СПС, я знаю, что Тулеев уговаривал Лужкова перед парламентскими выборами, чтобы тот убрал из «Отечества» Лебедева как руководителя кузбасской организации, и обещал, что тогда Лужков точно победит в Кузбассе. Лужков не снял Лебедева, проиграл в пух и прах в Кузбассе, но зато сохранил ту организацию, которую первоначально создавало «Отечество».

Наконец, что касается средств массовой информации. Вы знаете, Борис Николаевич был как-то более терпим. Здесь присутствующие Георгий Сатаров и Михаил Краснов очень много в книге на этот счет написали. Хотя мы знаем, что Ельцина очень сильно ругали и региональные, и цен-

тральные средства массовой информации, но Борис Николаевич на это не реагировал и в этом отношении отличался от представителей нынешней власти. Я не исключаю того, что в последний период он ничего не читал и не смотрел. Мне даже как-то Борис Немцов рассказал, что он был у Бориса Николаевича в гостях, смотрели какой-то фильм, и вдруг в 21 час начался Доренко. Тут Татьяна говорит: «Давайте выключим. Борис Николаевич, это неинтересно». А он говорит: «Нет, я эту передачу ни разу не видел. Я хочу посмотреть». Но поскольку он очень быстро уставал, они посмотрели пять минут, и он сказал: «Нет, неинтересно. Выключай. Не будем смотреть». Поэтому я думаю, что Борис Николаевич просто ничего и не знал. Выборку в основном делала команда, его пресс-служба, и они, я думаю, выбирали публикации, которые радовали глаз Бориса Николаевича, в отличие от Владимира Владимировича, который все смотрит, все видит и все знает, естественно, понятно, по какой причине. Это, наверное, самая большая потеря, потому что партии не оказывают такого влияния на общество, как СМИ. Поэтому главное наше демократическое завоевание – это свобода СМИ. Если здесь мы потеряем плюрализм и возможность критики власти, тогда мы реально окажемся в авторитарном режиме. Пока же средства массовой информации имеют такую возможность. Я знаю, что ваши газеты критикуют губернатора, хотя и судятся с ними, но определенное различие мнений есть и в этом отношении. Алтайский край далеко не самый плохой в Российской Федерации, по сравнению с Башкортостаном, Калмыкией, Якутией и целым рядом других регионов.

Есть еще, кстати, один сдерживающий фактор для Путина – Запад. Потому что если сейчас президент пойдет по жесткому варианту, начнет все быстро сворачивать и убирать, то, естественно, отношение Запада к нынешнему режиму резко изменится, и в этом отношении Россия может оказаться в изоляции, вместе с авторитарными режимами Ирака, Ливии и т.д. Путин, конечно, этого не хочет. Тем более, слава Богу, он служил не в Афганистане, а в ГДР. Я думаю, что это очень важный фактор. Он видел своими глазами жизнь в Восточной Германии, да и в Западной. У меня есть надежда, что если он сменит значительную часть своей команды и призовет таких людей, которые были у Бориса Николаевича на первом этапе, а это была очень сильная демократическая команда, то будет не все так плохо. Пройдя какой-то период управляемой демократии, мы сможем вернуться к полновесной демократии и полновесной партийной системе.

Мельников А.Н. – Слово предоставляется единственной женщине-докладчику, нашей уважаемой Элисабет Хедборг, профессору университета Стокгольма, блестящей журналистке. Пожалуйста.

Хедборг Э. ПРЕССА И СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Я хотела бы расширить тему выступления. Вместо того, чтобы говорить о прессе, я буду рассуждать о «свободе слова».

Другая проблема, связанная с этим, – современная демократия в Швеции. Что это? С какого времени шведскую демократию можно называть современной: с 1867 г., когда у нас был образован двухпалатный риксдаг, или с 1909 г., когда все шведы мужского пола получили избирательное право, или с 1921 г., когда и женщины получили право голоса?

Эти даты свидетельствуют о том, что процесс становления шведской демократии происходил примерно в это время, но указать точно дату нельзя.

Позвольте мне начать со слов благодарности в адрес России за то, что она коренным образом повлияла на развитие шведской демократии. Ведь именно Россия была основной причиной двух самых больших катастроф, которые поразили шведское государство.

1709 и 1809 гг. – Полтавская битва и потеря Финляндии. В свете истории видно, что именно эти катастрофы были важными этапами на пути к демократии. Они привели к ослаблению авторитарной власти Короны. Новые политические силы, как экономические, так и социальные, получили таким образом возможность влиять на развитие общества.

Середина XVIII в. вошла в историю как эпоха свободы. Требования растущей буржуазии привели к принятию акта о свободе печати. Этот акт, принятый в 1766 г., был первым в своем роде и в Европе. Он предоставил далеко идущие права в отношении свободы слова.

После времени тотального запрета на свободомыслие при Карле XII наступил период расцвета политических памфлетов, газет и различных философских книг.

Важную часть этого акта составляет принцип всеобщего доступа к информации: этот принцип и в настоящее время является краеугольным для осуществления свободы слова. Это означает, что все официальные документы доступны для всех граждан.

Конечно же, дорога к современной демократии была далеко не прямой и легкой. Практически все время происходила борьба между Коронай и оппозиционной частью общества. Вопрос о свободе слова всегда был центральным для обеих сторон. Поэтому закон о свободе слова менялся многократно.

Ларс Юхан Ярта создал в 1830 г. газету «Афтонбладет», что можно перевести как «Вечерний листок». Это была первая современная газета со свежими новостями. Ярта был также успешным предпринимателем, а в политике он проводил либеральные идеи, направленные против власти короля.

Корона противодействовала Ларсу Юхану, и не только ему, путем изъятия права на издание газет, но эти газеты каждый раз выходили на следующий день под новыми названиями: 1-й, 2-ой, 3-й «Афтонбладет» – до 27!

Именно в это время развилась новая политическая система; политические и экономические группировки создали партии; газеты стали рупором этих партий.

На этих примерах становится ясно, что свобода слова в Швеции мучительно завоевывалась на протяжении более двухсот лет. Свобода слова имеет свои корни в середине XVIII века, но ее современный вариант действует с 1949 г. и является по своей форме конституционным.

Каковы же самые важные и уникальные для Швеции черты современной свободы слова?

1. Принцип всеобщего доступа к информации, о котором я говорила выше. В результате этого все три власти: законодательная, исполнительная и судебная - находятся в Швеции под пристальным наблюдением власти четвертой – СМИ.

2. Свобода предоставления информации – любое лицо, в том числе и государственный чиновник, может анонимно обратиться к прессе со своей информацией. При этом власти не имеют право проводить внутренне расследование.

3. Закон предоставляет журналисту максимальную степень личной защиты. Это означает, что юридически ответственность за статью или репортаж несёт не журналист, а ответственный издатель, своего рода «коллективный козел отпущения». Такая система может показаться несправедливой, но именно она позволяет журналистам более свободно вести расследование, даже если оно затрагивает интересы крупных фигур в политике или бизнесе.

В обмен на эти свободы журналистский корпус обязан гарантировать профессиональную этику, то есть защищать граждан от журналистов.

Шведский совет по делам прессы, созданный в 1916 г., а также омбудсман по прессе являются представителями общества в деле защиты граждан от журналистов. Любой человек, в том числе и иностранец, посчитавший себя оскорбленным в какой-либо публикации, может обра-

титься с жалобой в совет по прессе или к омбудсману. На радио и телевидении также существует так называемый «контрольный совет».

Еще одна важная черта шведской свободы слова: у нас существует с начала 1970-х гг. институт экономической поддержки прессы. Помощь предоставляется тем изданиям, которые испытывают экономические трудности, а финансируется эта помощь путем введения налога на публикацию рекламы. Понятно, что эта помощь предоставляется газетам независимо от их политической окраски, строго по объективным экономическим критериям. Таким образом, государство становится гарантом многосторонности мнений.

Всего в Швеции выходит около ста семидесяти газет на 9 млн. населения. Из них почти 50 получают такую помощь. В прошлом году на эти цели было выделено почти полмиллиарда крон, т.е. 50 млн. долларов.

В настоящее время шведские СМИ живут в быстро изменяющемся мире.

Пресса перестала быть средством борьбы для достижения гражданских свобод. Владельцы СМИ как в Швеции, так и в других странах прежде всего заинтересованы в получении прибыли. Журналистика сегодня создает коммерческий продукт. Неприбыльные СМИ закрываются.

Самый яркий пример подобного развития в Швеции – газета «АРБЕТЕТ» («Работа»). Газета принадлежала рабочему движению и играла в течение долгих лет важную роль в развитии социал-демократии в Швеции. Полгода тому назад газета, несмотря на поддержку, о которой я уже рассказывала, закрылась, так как была убыточной. Сегодня шведские профсоюзы предпочитают инвестировать деньги на бирже для получения прибыли.

Короче говоря, то место, которое завоевали газеты в XIX в., в качестве рупоров политических партий, постепенно утрачивается.

Наглядный пример этого – рабочая газета «Афтонбладет», которая принадлежит норвежскому медиа-концерну. В это же концерн входит и праволиберальная газета «Свенска Дагбладет».

Еще один пример изменений на сцене СМИ – это проблемы, которые испытывает общественное радио и телевидение Швеции «ПАБЛИК СЕРВИС». Общественное телевидение вот уже в течении 10–15 лет конкурирует с коммерческими каналами и сегодня острее чем когда либо ставится вопрос, что такое «ПАБЛИК СЕРВИС», и для кого мы делаем свои передачи?

Структурные экономические изменения, которые включают коммерциализацию на сцене МАСС МЕДИА, идут рука об руку с ростом значения журналистики как таковой, независимо от того, кто владелец того или

иногое печатного издания, радио- или телеканала. Независимость от владельца, естественно, важна, но каким образом журналистский корпус распоряжается данной свободой?

Сегодня говорится уже о новом понятии – журнализме. Это означает приблизительно следующее – это сила, которая имеет привилегию формулировать проблему и ее решение, она находит жертву и указывает виновного.

То есть, четвертая власть не только предоставляет сцену для актеров из мира политики и экономики, но и сама журналистика является актером на этой сцене.

Не быть на виду у СМИ означает не существовать!

Сегодня некоторые обозреватели в Швеции считают, что СМИ являются угрозой демократии. Я не знаю, так ли это, но в настоящее время есть и другие угрозы или, по крайней мере, проблемы демократии.

Ведь в современной Швеции молодежь, например, в политику не идет. Они считают, что политика – это скучное и ненужное дело. Средства массовой информации, рассказывая о проблемах, которые затрагивают общество, обращают внимание на форму события, а не на сложность внутреннего содержания этого события. Презрение к политикам растет.

Еще одно важное изменение. За последние 20 лет в Швецию прибыло очень большое количество иммигрантов, практически со всего мира, большая часть этих людей не нашли своего места в обществе. Что это означает для будущего демократии, сказать трудно, но совершенно ясно, что в Швеции наблюдается рост враждебности к иностранцам. Вопрос в следующем: насколько серьезны те изменения, которые мы наблюдаем сегодня, и каким образом они повлияют на устойчивость будущей демократии?

Я думаю, готова ли Россия вновь помочь нам дать новый толчок к обновлению демократии, и какой частью нашей страны жертвовать в этот раз?

Вопросы и выступления

Шупик Г.Ф. – Уважаемый профессор! Учитывая Вашу тему, а также то, что Вы очень хорошо знаете нашу страну, напрашивается вопрос: как Вы относитесь к тому скандалу, который был вокруг НТВ? Спасибо.

Хедборг Э. – Я хотела бы и Вас спросить, как Вы относитесь, это более важно. Во-первых, я могу вам рассказать, как он был описан у нас, на Западе. Я не знаю, правильное это описание или нет, но это описывалось примерно как рубеж между хорошей эпохой свободы слова при Ельцине и

плохой эпохой несвободы слова при Путине. Я думаю, что слишком схематично так на это смотреть. Я думаю, что свобода слова не была совершенна во время Ельцина и, конечно, несовершенна и сейчас. Но, естественно, одним голосом меньше – это очень существенная потеря. Кроме того, очень много грязных дел было за теми кулисами, которые мы видели. Я думаю, что мои коллеги здесь больше знают, что происходило на самом деле. Но результат все-таки таков, что Россия лишилась одного важного голоса, который мог бы рассказать что-то отличное от других средств массовой информации.

Цицилин В.П. – Вы сейчас высказали очень интересную вещь, что со сменой хозяина на НТВ пропал один голос. Я Вам задам такой вопрос: когда у вас закрылась газета «Работа», не пропал ли у вас один голос?

Хедборг Э. – Конечно, пропал голос. Поэтому было возмущение, был чуть ли не траур. Даже среди тех, кто не социал-демократического толка, говорили, что потеря газеты «Работа» – это потеря очень важного голоса. Тем не менее, Вы видите, как экономические факторы преобладали над политическими.

Цицилин В.П. – А сотрудники этой газеты обращались к вашему королю?

Хедборг Э. – Нет, они не обращались. Они обращались к обществу и, прежде всего, к финансистам, ведь есть профсоюзы, социал-демократическая партия и т.д. Но никто не хотел больше там терять деньги.

Сатаров Г.А. – У меня два вопроса. Первый – это мера зависимости журналистов от работодателя. Я имею в виду и экономический, и политический аспекты. Допустим, у одного и того же работодателя две газеты: одна – социал-демократическая, а другая, допустим, – либерально-консервативная. Вы приводили пример. Может ли журналист, который работает в либерально-консервативной газете, выражать на ее страницах социал-демократические взгляды, или он должен для этого перейти в другую газету? И второй вопрос. Как СМИ участвуют в выборах? Каковы их функции во время выборов?

Хедборг Э. – Прежде всего, журналист должен выражать объективную истину, правду. Он не должен выражать ту или иную политическую точку зрения. Ведь традиционно наши шведские газеты построены таким образом, что политические взгляды выражаются на так называемой второй странице. Вторая страница – это так называемая политическая страница, где пишутся статьи, комментарии к политической жизни. Все остальные страницы должны быть прежде всего объективными, ищущими правду, не выражая какой-либо точки зрения журналиста.

Потом, СМИ и выборы. Я не думаю, что это время отличается от других времен года. Когда идут выборы, надо отражать ту борьбу, которая происходит на политической сцене. И, как я сказала, на второй странице, естественно, идет какое-то обсуждение политических вопросов, которые играют роль в кампании, которая идет. Наверное, и в шведских медиа – я не хочу их идеализировать – есть возможность так или иначе поставить свою партию или свою точку зрения в лучшее положение и, наоборот, очернить своего противника. Но я не думаю, что эта борьба идет именно во время выборов. Она идет все время. Были некоторые нашумевшие скандалы, когда, например, одна очень известная женщина из Социал-демократической партии, Мона Солин, которая должна была стать премьер-министром, потеряла свою возможность стать премьер-министром, когда неожиданно всплыл скандал, что она злоупотребляла своей государственной карточкой – купила какие-то пеленки на нее или шоколад, я не помню. Как выяснилось потом, это была утечка от ее недругов в самой партии. То есть, это – черная, нехорошая игра, и она идет чаще всего не во время выборов, а между выборами, когда идут другие процессы.

Пургин Ю.П. – У меня такой вопрос коллеге Хедборг. Как она считает, пресса должна быть властью, – есть такой распространенный термин «пресса – четвертая власть», – или пресса – это все-таки вид бизнеса, и никакой властью она реально не является? В России, на мой взгляд, сейчас утверждается версия, что пресса никакой властью не является, а является только приложением к власти. Это моя точка зрения. Какова Ваша точка зрения на эту проблему?

Хедборг Э. – Пресса – это и власть, и бизнес. Может быть, я старомодный романтик, но, тем не менее, я считаю, что власть прессы должна всегда стоять на стороне граждан, то есть пресса никогда не должна стоять на стороне экономических или политических властей. В каком смысле? Пресса должна дать возможность гражданам понять то общество, в котором они находятся. Пресса не должна сама выражать точку зрения, она должна дать возможность разным точкам зрения бороться между собой на ее арене. Как я вам рассказала, в последнее время все больше и больше усиливается коммерческий характер прессы. Я считаю, что тем самым мы предаем свою публику, потому что, чтобы продавать продукт, он должен быть привлекательным, красивым, драматичным. Но это не первая принадлежность прессы. Первой принадлежностью прессы должна быть, естественно, правда. Поэтому мы сегодня в Швеции наблюдаем изменения в худшую сторону.

Андреев С.В. – Вы сказали, что около трети ваших изданий имеют государственную поддержку. А кто определяет, какому изданию государство будет помогать, кто контролирует это определение, и почему той газете, о которой Вы говорили, не была оказана эта поддержка? Спасибо.

Хедборг Э. – Я думаю, что это Вам будет немного странно, но, как я Вам сказала, есть государственный комитет, который определяет, кто имеет право на такую поддержку. Государство выступает в роли некоего доброго дяди, который говорит, что всем вам должно быть дано право слова. Я не знаю точно, где проходит граница для получения или неполучения этой поддержки, но факт в том, что очень большая часть тех газет, которые получают эту поддержку, не могли бы вообще существовать, если бы не получили ее.